

Людмила Астахова

Злое счастье

«Автор»

2009

Астахова Л. В.

Злое счастье / Л. В. Астахова — «Автор», 2009

Она – изгнанница, которая не помнит даже своего имени. Там, куда она попала, ее считают наследной принцессой Хелит, владельницей замка и будущей женой Верховного Короля. Он – сын грозного правителя Финигаса. Его зовут Мэй. На нем клеймо отступника и злодея. Когда-то ради спасения близких он вымолил у богов силу и мощь на поле брани, пожертвовав собственными чувствами и утратив способность любить. Но встреча с женщиной из другого мира круто изменила его жизнь. В его испепеленной душе зажглась истинная любовь, ради которой он готов на все – разгромить бесчисленное войско неприятеля, выйти на бой с колдунами, терпеть лишения и боль и даже добиться ненавистой короны Верховного Короля, лишь бы Хелит была счастлива. Но суждено ли стать счастливым ему самому?

© Астахова Л. В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	48
Глава 6	56
Глава 7	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Людмила Астахова

Злое счастье

Посвящается лучшему из сыновей

Глава 1

Две весны

Даэмли

Весеннее половодье окончательно размывло Тошую Гать, бурный поток разметал подгнившие за зиму бревна по всему руслу Бэннол, и каждый, кто пытался идти вброд без предварительной разведки, рисковал переломать ноги лошади. Обольщаться кажущейся мелководностью речки не стоило даже в самые засушливые годы. В глубине ее мутных и быстрых вод таились коварные ямы, илистые берега покрывала липкая густая грязь, а в подводных норах жили ядовитые змееглавые рыбы.

Были времена, когда нэсс почитали своенравную Бэннол богиней и задабривали ее жертвоприношениями. В том числе человеческими. Хитрая речка жертвы неизменно принимала, но внимать смертным, а тем более слушаться их не торопилась. Дэй'ном, знай себе, злословили относительно глупых выдумок нэсс. Особенно когда сбрасывали трупы убитых пленников-нэсс в воду. Практичные ангай пытались строить плотины ниже по течению, да только ничего у них не вышло. Бэннол неизменно подтачивала опоры и, вырываясь на свободу, обрушивала на порабощенителей всю свою ярость и силу.

Хелит не тяготилась вынужденным ожиданием, пока воины найдут подходящий брод. Наоборот, появился лишний повод спешиться, размять ноги, а заодно как следует осмотреться. На том берегу лежали пограничные земли, которые держал Рыжий Мэй. Да-да тот самый Мэй-тианн'илли Отступник Мэй, имя, которое в столице предпочитали лишний раз не упоминать. Одних только перечислений его подвигов и безумств хватило бы на несколько дней. И тех и других как раз поровну, если разобраться.

«Вот и познакомимся», – подумала Хелит, воображая встречу. Она немало слышала о Рыжем и приготовилась к тому, что лишь десятая часть услышанного окажется правдой. Так всегда бывает...

Что-то плыло вниз по реке. Хелит присмотрелась внимательнее и с ужасом узнала в темной куче мокрого тряпья темно-зеленый плащ Зимтара. У него из спины торчали две желтоперые стрелы.

– Засада! – успел закричать юный Хиани, прежде чем выскочивший из лесу чернобородый нэсс снес мальчишке голову одним ударом меча.

Нэсс оказалось вдвое, нет втрое больше, чем униэн. Не уменьем, а числом одолели они путешественников, сами не считаясь с потерями. Никого не пощадили и брать пленников тоже не стали.

– Бегите! Бегите, моя госпожа! – крикнул Милтой, жертвуя собственной жизнью, чтобы добиться форы во времени, потребной девушке для бегства.

Оставшись одна, Хелит бросилась в сторону зарослей *илги*, но камень, пущенный из пращи кем-то из нэсс, угодил ей прямо в затылок. На землю она упала уже бездыханной.

– Проверь! – приказал атаман.

– Мертвее не бывает, – заверил прашник, переворачивая покойницу на спину. – А еще говорят, униэнки все, как одна, красавицы.

– Не твоего ума дело! – прорычал атаман и наградил меткого молодца увесистой затрепиной. – Наше дело – сторона. Ни тебе, ни мне ее в гроб не класть.

– Униэне своих мертвецов сжигают...

– Шибко ты умный, Харс, как я погляжу.

Гневный взгляд командира не сулил парню ничего хорошего.

– Дык, я... – перепугался тот.

– Сматываемся отсюда, умник. Покедова Рыжий нас за задницы не ухватил.

Помянув всуе имя приграничного владельца, атаман сам испугался, по-быстрому сотворил двойной знак отвращения зла и, не дав своим людям даже помародерствовать на трупах униэн, приказал возвращаться. Оно и понятно. Настигни их за разбоем Рыжий – мало никому не покажется. Ему в руки лучше не попадаться.

* * *

Дожить до весны... Дожила... Лес за окном подернулся нежно-зеленой дымкой. Еще день-два – и брызнет юная листва, возвещая приход долгожданной весны.

– Сейчас вы досчитаете до десяти и уснете. Начинайте считать.

– Раз, два, три...

Врут они все, гиппократы хреновы, насчет наркоза. Боль чувствуется, еще и какая, только сделать ты ничего не можешь. Ни закричать, ни шевельнуться. А боль все равно остается. И к ней невозможно привыкнуть. Если операция ничего не даст, будет обидно. Столько выдержать, столько перенести. Начиная от смущенно-сочувственных слов врача: «Я очень сожалею, но у вас рак», и заканчивая самым последним уколом в вену. Только не говорите, что я сдалась. Я боролась, честно боролась. Операция, «химия» и снова операция. В таких случаях принято говорить – не ради себя, а ради детей. Но если быть до конца честной, то все-таки прежде всего ради себя. Лежа на операционном столе во второй раз, лучше не врать себе. Неприлично это как-то, согласитесь.

«Ай-ай! Такая молодая и рак!» – шептались за спиной родственники.

Черт бы вас побрал, жалельщики! Мне только сорок, я еще и не жила толком! Не видела китов, не бродила по Лувру, не поднималась на Эмпайр Стейт Билдинг и в Риме не побывала. Господи, я ничего не успела! За окном весна... а я умираю... Обидно.

Если выживу, Сашка меня бросит. Иначе не ходил бы с глазами побитой собаки. Я ж всегда знала, что он – слабак. С того самого дня, когда у новорожденного Игорька обнаружили кровоизлияние в мозг. Тут и до ДЦП недалеко было. А любимый муж засобирался драпать. И верно, кому ж нужен больной ребенок? Тогда обошлось, но эти три дня, когда Саша не показывался в роддоме, я запомнила навсегда. Простить – простила, но забыть... Не получается. Таково, видимо, свойство любого предательства. Воспоминание о нем омрачит самый яркий день и испортит самый радостный праздник.

Больная жена никому не нужна. Это присказка такая есть. Русская народная. Старая присказка, а по сей день жива. Не хотите проверить на себе? Правильно, не стоит искушать судьбу. Сегодня он тебя на руках носит (на словах, естественно), а стоит только лечь пластом под капельницу... Он, видите ли, не может без женщины больше недели. Кажется, ну кому он вместе со своей сомнительной потенцией нужен? Ан, нет! Находятся желающие вкушать радость неземного секса с «супермачо», который только на третьем году супружеской жизни приучился регулярно менять носки.

Спросите, почему я с ним 15 лет прожила? Много причин. Как сказала бы свекровь, «так не пьет же». Опять же пресловутый квартирный вопрос, который всех испортил. Саша,

конечно, белый и пушистый, не пьющий к тому же, но за квартиру он бы мне устроил веселую жизнь... Грустно это все... Но не грустнее, чем рак.

Что? Что происходит? Ишь ты, засуетилась!

Погодите-ка! Как же так?! Я же себя вижу со стороны. Боже, вот ужас! Точь-в-точь рыба свежая, потрошенная. Слышать бы еще, что они друг другу говорят? Странно как-то, словно звук в телевизоре отключили. Бегают в тишине сестрички, суют в руки хирургу какие-то инструменты, анестезиолог мечется между мной и аппаратурой, реаниматолог что-то говорит... В американских фильмах это звучит так: «Доктор, мы ее теряем!» А сверху на большой операционной лампе у вас пыль, господу эскулапы, между прочим. Непорядок!

Мне сверху видно все, ты так и знай.

Секундочку! Я же отлетаю. А дети? Господи, а как же дети?! Как же они без меня?! Я не могу!

Но Тоннель уже сиял далеким светом, и душа уносилась прочь от страданий и боли, от капельниц, окровавленных перчаток и одноразовых шприцев, от блудливых виноватых глаз того, кто перед Богом и людьми, от золотой зари детства и призрачных туманов отрочества, от хлестких ветров юности и солнечного полдня зрелости. Прочь, прочь, прочь...

Прощай, Вечный город, мой несбывшийся Рим! Прощайте, цветущие абрикосы! Прощайте...

Мне сорок лет. Нет бухты кораблю...

* * *

Она лежала на сыром холодном песке, окоченевшая, не чувствуя немеющих рук и ног. Голову разрывала нестерпимо пульсирующая тупая боль, словно по затылку со всего махушибанули обухом топора. Перед глазами стояла мутная розовая пелена. Со стоном она приподняла голову, чтобы осмотреться. Качался, как на волнах, противоположный берег реки: камыши, а за ними коричневые унылые холмы, рощицы тоненьких деревьев, валуны, а совсем уже на горизонте черная полоса далекого леса. Она осторожно провела непослушными пальцами по мокрому лицу. Руки стали алыми от крови. Кровь капала с волос, саднила рана на затылке.

«Боже! Что же это?»

Рядом лежали окровавленные трупы. Один совсем мальчик, двое мужчин в кольчугах. Что за люди? Почему их убили? За что? Кто это сделал?

Ее скорчило в спазме и тут же вырвало желчью. Она не понимала, что происходит, где она, что случилось, но инстинкт подсказывал, что нужно бежать. Бежать как можно дальше, без оглядки.

Назвать бегом блуждание в прибрежных зарослях нельзя никак, но лишь бы весь тот кровавый ужас, которому она стала свидетелем, исчез из поля зрения. Кружилась голова, подкашивались ноги, тошнило, и, когда не осталось сил брести, она ползла на четвереньках. Будто это за ней по пятам гнались свирепые убийцы с огромными ножами. О себе беглянка даже не думала, настолько была потрясена страшным зрелищем. Словно обезумевшее животное металась она по продуваемому всеми ветрами лесу, под морозящим дождиком, не чувствуя ни холода, ни усталости. Только тупая боль стучалась в череп, облепленный мокрыми окровавленными волосами.

А когда совсем стемнело, женщина, словно мышь, забилась между корнями огромного дерева и притаилась в этом ненадежном укрытии. Вернее сказать, сначала она пыталась залезть на дерево, но босые ноги неуклюже скользили по влажной, твердой, как камень, коре. Зубы

стучали оглушительно, на весь лес, и, чтобы не привлечь из его чащи какое-нибудь чудовище, она зажимала себе рот руками. Женщину трясло в лихорадке.

Женщину звали...

Как же ее звали?

Ее звали... ее зовут...

Но память, словно губка, впитывала вопросы, оставляя их возмутительно безответными.

Тогда беглянка крепко обхватила руками колени, пытаясь хоть как-то согреться, любым способом удержать капельку живого тепла. Она страстно желала, чтобы ночь поскорее кончилась, и одновременно боялась рассвета. Не нравился ей лес, где режут людей, точно на бойне.

Слезы сами навернулись на глаза. Она плакала от обиды и бессилия, от страха и одиночества.

Мокрая, замерзшая, заблудившаяся в лесу, полном убийц, женщина тихо скулила, сжавшись в комочек. До тех пор, пока тяжелый сон, полный кошмарных кровавых видений, милостиво не сомкнул над несчастной огромные совиные крылья.

– Проклятые нэсс! Жестокое, гнусное племя! – злобно шипел Дайнар. – Клянусь Небом, их науськали подлые дэй'ном! Кто еще мог проведать о посольстве из Далатта? Кто?! Ненавижу!

Глаза его горели неистовой жадой мести. Если... Нет! Когда убийцы будут пойманы, они пожалеют даже о миге своего зачатия. Дайнар ир'Сагар не ведает пощады и не берет пленников. Это знают все: нэсс, ангай и, разумеется, дэй'ном. От скалистых ущелий Сэрро до теплых песчаных берегов Аун-Хот.

– Думаешь, леди Хелит похитили, Навв? – спросил Мэй у рыскавшего по берегу молодого следопыта.

– Не знаю, что и думать, милорд. Странная картина вырисовывается.

– Странная?

– Вот глядите сами, – следопыт поманил Мэя за собой и показал на примятый песок. – Тут она упала. Скорее всего, кровь ее. Во всяком случае, она принадлежит женщине. Потом с нее сняли платье и сапоги. Видите?

Тот лишь кивнул в ответ. У юного Наввано складно получалось читать невидимые знаки недавних событий. Пожалуй, даже его старший брат не сделал бы это лучше.

– Я не понимаю, почему она не сопротивлялась, и еще более странно, что ее не забрали с собой. Приняли за мертвую?

– Вряд ли нэсс не отличили бы живую женщину от мертвой, – справедливо усомнился Рыжий.

– Тем более! Тут дальше я вижу ее следы. Вот рвота... А потом она побежала в лес, куда-то вниз по течению.

Мэй озадаченно потер шею, разгоняя застоявшуюся кровь.

– Действительно, странно...

– Прикажете пустить по следу собак, мой лорд?

После некоторого раздумья князь согласился.

– Пускайте, только смотрите в оба и не переусердствуйте – предупредил он на всякий случай.

Запах свежей крови растревожил звериный инстинкт собак. Гончие подвывали и рвались с поводков. Если бы не безвестность судьбы леди Хелит, то они бы уже бежали по следу убийц. И, скорее всего, след привел бы в ближайший пограничный городишко, населенный нэсс, а из-за его стен разбойников даже Верховный король не сможет выкурить. Дайнар тысячу раз прав, когда повторяет, что, сколько ни делай людям добра, кроме ножа в спину, от них ничего не

дождешься. Уже успели забыть, как униэн спасли их от нашествия дэй'ном, и снова принялись за старое: нападать из-за угла, грабить, убивать и насиловать.

И вот трупы слуг семьи Гвварин грузят на телеги. А если еще и Хелит погибла, значит, больше никто и никогда не поднимет знамя со священным серебряным пятилистником Кер. Славное было семейство. Род, из века в век даривший народу униэн великих воинов и мудрецов, прервется.

– Не горюйте, милорд. Сделанного не воротишь, – попытался утешить Мэя следопыт.

– Знаю. Ничего не воротишь. Вообще.

Тихим свистом он подозвал Сванни – свою вороную кобылу, забрался в седло и поспешил следом за гончими, пока они не слишком далеко убежали.

Беглянку разбудил злобный собачий лай. Вернее сказать, не разбудил, а вырвал из кошмарного сна. Снились блестящие голубые стены, какие-то люди в одинаковых одеждах. За ночь тело затекло до полного онемения. Руки-ноги не гнулись, шею светло, и зуб на зуб не попадал. Она хотела затаиться в своем укрытии, но вовремя догадалась, что против собак ее маскировка бессмысленна. Надо бежать.

Может быть, залезть на дерево? Подходящее как раз росло неподалеку. В меру высокое и достаточно раскидистое, чтобы на него можно было быстро вскарабкаться. К своему изумлению, ей удалось забраться на ветку, хоть не практиковалась уж лет... Сколько же лет? Давно.

Главное, что сделала она это очень своевременно. Потому что собаки... Да и собаки ли? Так и крокодила можно назвать ящерицей. Угольно-черные твари, не меньше метра в холке, с длинными острыми мордами и горящими изумрудным огнем глазами-щелочками. Уши торчком, густая грива на холке, полная пасть острых зубищ. Адские гончие, по-другому и не скажешь. Такие вмиг разорвут!

Женщина забралась повыше, надеясь, что животные пробегут мимо. Но собаки определенно шли по ее следу. Глядя сверху на оскаленные зубастые пасти, беглянка старалась не думать о том, какие хозяева у этих жутких тварей. Ведь не исключено, что это те самые люди, что накануне убивали на берегу реки.

За собаками прибежал молодой парень. Сверху она видела только капюшон его блекло-серого широкого плаща, зато слышала звонкий юношеский голос. Естественно, языка, на котором разговаривал молодой человек, она не понимала. Ни словечка. А еще у парня был меч. И у того, кто прискакал следом, тоже. На обычной черной лошади. Женщина разглядела завязанные в хвост на макушке волосы яркого цвета расплавленной меди. Но во всем остальном мужчина ничем от остальных людей не отличался. Разве только зубастые сволочи слишком уж обрадовались его появлению. Не иначе – сам хозяин своры.

– К айя хэллит ало! – позвал он, махнув ей рукой в кожаной перчатке.

«Черт, что же делать?!» – испугалась она, неведомо от чего затряслась каждой поджилочкой.

– Скорее, милорд! Хвала богам, мы ее нашли! – издали позвал Наввано.

Гончие крутились вокруг толстого ствола *глирна*, тянули длинные морды вверх и радостно поскуливали, яростно лупя хвостами по поджарым бокам.

«Вот, хозяин! Какие мы молодцы! Искали и нашли! Похвали же нас! Ну, похвали!»

Мэй спешил и, рассеянно потрепав собак по жестким загривкам, подошел вплотную к стволу, пытаясь рассмотреть, кто именно прячется среди веток. Удивительно, как она умудрилась так высоко забраться.

– Леди Хелит! Слезайте! – крикнул Мэй.

Но та стала взбираться еще выше. Словно не слышала.

– Это, наверное, с перепугу! – растерянно предположил следопыт.

– Леди Хелит! Не бойтесь. Я – Мэйтианн!

Девушка в ответ прокричала что-то неразборчивое.

– Уведите собак, я ничего не могу расслышать! – раздраженно приказал Мэй. – Хелит! Не бойтесь! Что вы сказали?!

Псари оттянули прочь животных, похвалив и поощрив кусочками мяса.

– Гляди-ка, она в одной рубашке, – обратил внимание Дайнар. – Как только не замерзла ночью насмерть?!

– Может быть, испугалась гончих? – удивился Ликнар.

– Или ничего не сообщает от страха.

– Дочка Оллеса? Обезумела от страха?

Мэй начинал терять терпение. У него достанет еще важных дел, чтоб полдня тратить на перепуганную девчонку.

– Хелит! Слезай! Немедленно!

«Когда Рыжий начинает орать во всю глотку, то его послушается даже горный лев, – мысленно ухмыльнулся Дайнар. – Умеет произвести должное впечатление. Когда хочет».

На Хелит голос Мэя подействовал прямо-таки убийственно. Мало того, что девчонка чуть сознание не потеряла, но и с ветки едва не сорвалась.

– Поосторожнее, милорд. Она может упасть, – посоветовал следопыт.

– Хорошо. Я постараюсь.

Мэй взял себя в руки и заговорил с беглянкой спокойно, почти ласково, убеждая покинуть опасное прибежище. Так обычно он обращался с нервными своенравными лошадьми. Тягучий журчащий перелив слов, схожий с песней, завораживающий в своей простоте. Недаром ходят слухи, будто Рыжий Князь Мэйтианн снова ворожит помаленьку. Эх, если бы! Дайнар точно знал, как далеки досужие рассказы сплетников от истины.

И тем не менее нынешний случай гарантированно отправится в копилку домислов. Кто-то обязательно проболтается. Как любит говаривать Ллотас, «однозначно, милорды, однозначно».

На Хелит речи Рыжего подействовали самым загадочным образом. Да, она послушалась, но при этом продолжала дико озиаться и бормотать что-то совершенно непонятное. Выглядела девушка чудовищно: в рваной рубашке, волосы слиплись от засохшей крови; зареванная, вся в ссадинах.

Он протянул руки, жестом показывая, мол, в случае чего словит на лету. Если бы не яркий цвет волос, то ничего в нем нет выдающегося: бледное обветренное лицо с острым гладко выбритым подбородком, выступающие скулы, чуть раскосые зеленовато-серые глаза и под ними черные мешки от хронической бессонницы. Рыжий скупое усмехнулся.

– Айсэ уан хелит.

– Я не понимаю ни слова, – прошептала она. – Совсем ничего не понимаю.

– Хелит и шанэ, – уверенно ответил рыжий.

Почему-то ему хотелось довериться. Просто так, без каких-либо условий.

И решившись, женщина соскользнула в протянутые руки. Тут же на плечи ей набросили широкий плащ с пушистой меховой подкладкой. Мягкий желтый мех нежно ласкал кожу, согревая трясущуюся от холода беглянку. Рыжий усадил ее впереди себя в седло.

Странное это было чувство. Она интуитивно приняла самое удобное положение, при этом сознавая, что впервые едет верхом, и вообще – никогда раньше не сидела на лошади. Точно знать, как именно нужно ездить на лошади, и одновременно ничего не помнить о подобном опыте... – это, согласитесь, не вдохновляет.

Подавленная и сбита с толку, женщина всю дорогу молчала, не смея обернуться и поднять взгляд на своего спасителя. Зато остальных его спутников удалось рассмотреть получше.

Целая свита: худенький паренек в плаще, два белокурых молодца, которые занимались собаками, смуглый темноволосый мужчина с витым обручем на лбу и еще трое в длинных кольчугах и с луками. По голосам слышно было, что позади едет еще с десятков человек. Все они бойко переговаривались между собой, но язык не походил ни на один из ранее слышанных.

Они пересекли речку вброд, потом долго ехали по дороге между холмов, густо поросших лиственным лесом. Почки только успели раскрыться, и эта волшебная зеленоватая дымка казалась женщине такой знакомой... Знакомой до боли. Когда-то она уже видела что-то подобное. Давно? Недавно? Вот только как ни напрягайся – не вспомнить ни времени, ни места. А кажется, только вчера...

От одежды рыжего пахло горьким древесным дымом. Он размеренно дышал, и так же ритмично билось его сердце, словно говорило: «Не бойся. Тебе ничего не угрожает. Только не со мной».

Хотелось бы верить. Очень.

А потом дорога снова повернула и вывела отряд Рыжего напрямик к высокому замку на холме.

– Эр’Иррин, – сказал он и судорожно вздохнул.

А замок... замок был... прекрасным. Другого слова потерявшая память женщина подобрать не могла, как ни пыталась. Сторожевые башни возносились к самому небу, царапая мелкой, как рыба чешуя, черепицей легкие облака. Узкие полотнища стягов трепетали на ветру. Три белые стрелы на красно-черном. На крепостной стене запели рога, и подъемный мост со скрежетом опустился. Ворота приветливо распахнулись.

Обозрев с высоты лошади счастливые лица слуг и соратников, Мэй едва сдержался, чтобы не выдать безграничной усталости и раздражения, царивших в душе. Наступил на горло своему настроению и улыбнулся в ответ. Вернее, попытался улыбнуться.

– Позаботьтесь о леди Хелит, – распорядился он, передавая живую находку в руки женщин. – И о мертвых тоже.

Ему безумно хотелось только одного: остаться одному, наедине со своими мыслями и тревогами. Чтобы никто не заглядывал в лицо, не требовал ответа на неразрешимые вопросы.

– Тебе не мешало бы отдохнуть, – молвил Дайнар, скорее угадав состояние лорда. – Ты слишком близко все к сердцу берешь. В том, что случилось с посольством из Далатта, нет и не может быть твоей вины.

Говорил и понимал, что враги Мэйтианна – те, кто притаился в Лот-Алхави, и те, от кого он стережет границы Тир-Луниэн, – припомнят Рыжему и то, что не выслал навстречу отряду леди Хелит своих доверенных фианни, не предусмотрел, не упредил несчастья.

Они шли узкой галереей, ведущей к личным покоям Мэя. Дайнар чуть позади, чтобы не нарушать субординацию. Стражники вытягивались в струнку, преданно поедая глазами своего огненного князя. Рыжего любили и боялись. А он на самом деле не нуждался ни в том, ни в другом.

– Не нравится мне вся эта история, – вздохнул он. – И девушка не нравится, и все, что с ней случилось, – тоже.

– Думаешь, она с ума сошла?

– Нет, Дайн, если говорить о разуме, то она вполне нормальна. Но что-то в ней не так.

– В каком смысле? – удивился Дайнар.

– Ты понимаешь язык, на котором она теперь говорит? Разве он похож на гайши? Лирис? Я вообще слышу его впервые. Да и не владела Хелит никакими иными наречиями, кроме родного. Я точно помню.

Сам Мэйтианн разговаривал на пяти языках и читал еще на трех – ныне мертвых, стало быть, знал, о чем речь.

А молчал Рыжий Мэй о том, что в спасенной нынче утром Хелит от настоящей леди Гвварин практически ничего не осталось. Он уже не мог сказать точно, но инстинктивно чувял несоответствие. Раньше, до случившегося, – да, мог. Теперь – нет.

– Дэй'ном?.. – подозрительно сощурился Дайнар. – Думаешь, она – кайт?

Все знают, что создавать оборотней ведуны дэй'ном умеют даже лучше, чем ядовитых пауков.

– Нет, – отрезал Мэй.

«С чем сравнить ауру настоящего кайт? – подумал он. – Разве только с вонью от разлагающегося трупа висельника где-нибудь на рыночной площади в Нафарре или Стисе». Но это он так чувствует, вернее чувствовал. А хитрецы из Лот-Алхави вопьются в такую историю, как клещи в медвежье ухо.

– Тогда я не понимаю... – вздохнул Дайнар.

– Я тоже.

С тех пор как Мэй взвалил на себя все тяготы пограничной службы, Дайнар никогда не видел своего лорда и друга таким озабоченным. Неужели из-за заполошной девчонки, от которой теперь, кроме подвоха, ничего ждать не приходится? А ведь на нее возлагали столько надежд! Эх-х-х-х! Если бы Тайгерн породнился с домом Гвварин, как планировалось, то Мэй бы избавил себя от лишней головной боли, связанной с младшим братом.

– Я пока ополоснусь, а ты разбери донесения, – попросил Мэй.

– Тебе и поспать не мешало бы.

– Потом. Все потом.

– А где Хельх? – спросил Дайнар, в поисках оруженосца оглядывая унылые покои князя.

– Отправил его к Гвифину. В наказание.

Жесток был Рыжий, всегда знал, как уязвить побольнее. Ведь понимал же, что для мальчишки нет ничего горше и обиднее, чем остаться в замке под присмотром старого ведуна, когда остальные отправляются спасать от дэй'ном прекрасную деву, а все равно сделал.

– Бессердечный.

– Отвали, Дайн, – беззлобно фыркнул Мэй и ушел в купальню смывать дорожную грязь.

И пока Рыжий громко плескался в лохани, его советник терпеливо читал донесения полевых агентов, раскладывая их в три стопки. Справа – из Хаалу, слева – от горцев, а посередине – столичные. Затем посвежевший, насколько это возможно, лорд Мэйтианн, облаченный в домашнюю теплую тунику, рылся в картах, сравнивал и сверял их с собственными наблюдениями, а Дайнар мылся. От него до такой степени воняло конским и собственным потом, что выйти к трапезе в таком виде благородный униэн позволить себе не мог. Подошло время ужина, явился несчастный Хельх, а следом за ним столтник. Мол, все уже ждут.

– И леди Хелит? – спросил Мэй.

– И она тоже, – кивнул тот со странным выражением лица.

Он склонился прямо к уху лорда, горячо и тревожно зашептал что-то.

– Ты уверен? – озабоченно переспросил Мэй.

– Даугир может подтвердить.

Потрескавшиеся губы Рыжего сжались в тонкую полоску, выдавая крайнюю степень волнения.

– Если хоть слово уйдет за стены Эр'Иррина...

– Пока что знаем только мы трое, – заверил его Масси.

– Это пока.

Спасенную девчонку Дайнар уже почти ненавидел. Разве мало у Рыжего забот, разве мало ему горестей?

А она сидела по правую руку Мэя в роли почетной гостьи, бледная до прозрачности, глаза застая, напряженная, словно натянутая тетива нацеленного лука. Того и гляди, зазвенит. Белая

нижняя котта и бирюзовое блию шли ее холодной красе несказанно. Косички, заплетенные от лба к затылку, открывали взгляду высокое чело, и девушка выглядела моложе своих лет.

– Кушайте, миледи, – мягко попросил Мэй, показывая ей на приборы, выложенные рядом с простой белой тарелкой: ложку и двузубую вилку.

На ужин была сырная запеканка с зеленью. Как тут же выяснилось, девушка орудовала вилкой лучше иных королев, настолько легко порхала в ее пальчиках точеная костяная ручка. Тем, как ела леди Хелит, можно было залюбоваться. Чем, собственно, и занималось большинство мужчин, собравшихся за княжеским столом.

Дайнар с облегчением вздохнул. Такому фокусу кайт-оборотней точно не научишь. Одной бедой меньше.

Купаться в горячей воде – весьма приятное занятие, если вокруг не толкаются шесть молодых женщин, которые все время переговариваются между собой на незнакомом языке. Это раздражает. С другой стороны, без их помощи промыть как следует волосы ни за что бы не удалось. Мыло представляло собой липкий бесформенный кусочек белого цвета, который все время норовил выскользнуть из рук и утонуть в мутной горячей воде, остро и тревожно пахнувшей какой-то травой. Пар поднимался над водой, кудахтали девицы, и нестерпимо хотелось закрыть глаза, нырнуть в теплый сон, чтобы проснуться... Где? Где-то в другом месте. Не здесь. Мысль, почти уже оформившаяся, внезапно ускользала мокрой тонкой нитью, оставляя странное послевкусие. И сколько ни напрягай память – все безрезультатно, только голова наливается свинцовой тяжестью.

Девицы весело защебетали, протягивая жесткое полотно, чтобы вытереться. Жесткое настолько, что ткань царапала кожу и без того пострадавшую от блужданий по ночному лесу. Ссадины на коленках и локтях до сих пор щипало.

– Спасибо большое, – сказала она.

Но девушки, разумеется, ничего не поняли и подняли настоящий гвалт. Видимо, спорили. Одеты они были довольно скромно – в длинные платья простого кроя неярких расцветок: серые, голубые, бежевые. Такое же было предложено и купальщице. Только белое. А поверх – узкая накидка без боковых швов с прорезью для головы, которая завязывалась на поясе. И никакого нижнего белья.

– А трусы? – спросила она и показала на себе, что имеет в виду.

– Ванагго гвер та, – весело ответствовала чернокосяя барышня, верховодившая всей компанией.

Делать было нечего. Может быть, тут так принято? Хотя странно. Раньше ведь было все иначе... Вроде бы... Или не было?

Пришлось покорно отдаться в умелые руки девушек, которые быстро и ловко сумели нарядить ее в не слишком удобную одежду. Иначе она бы точно запуталась в веревочках, поясах и тесемках, неисчислимое количество которых повергало в ужас.

С волосами тоже были проблемы. Уж больно длинными они оказались. Непривычными. Подозрительно светлыми. А ведь помнилось, что с волосами что-то такое произошло. Отрезали? Выпали? Но нет, волосы, которые тщательно расчесывала русая хохотушка с ямочками на щеках, были настоящими.

– Гэрт уан хелит? – все время спрашивала девица. – Гэрт? Ано?

В ответ – кивок. Пусть делают, что хотят. Косы так косы.

А потом черноволосая поднесла круглое зеркало на ручке, чтобы можно было по достоинству оценить работу девушек. Забавное зеркало, темное, словно не в стекло смотришь, а в лесное озеро с черной стоячей водой. Из его тяжелых глубин глядело совершенно чужое лицо. Ладони стали холодными и мокрыми от пота, сдавило грудь, и слезы брызнули сами по

себе, заливая прозрачной соленой пеленой серо-голубые глаза. Чужие глаза. Густые пепельные брови, пушистые ресницы, ровненький, чуть вздернутый носик и полные губы: неузнаваемые черты молоденькой девушки. Этакая прохладная нордическая краса валькирии. Чтобы не разрыдаться в голос, она закрыла рот ладонью. Слезы душили, жгли глаза, частым дождем капая на подол голубой накидки.

– Это не я, это не я... Я не такая... Другая...

Но вспомнить свой подлинный облик не удавалось. Из зеркала должна была смотреть совсем другая женщина. Не юная девица-красавица, не белокурая бестия из германских легенд, нет!

Она вырвала из рук чернокошой зеркальце и впилась взглядом в свое отражение, словно темное стекло чем-то провинилось, специально спрятав истинный облик в своих недрах.

– Боже мой, так не бывает! Не может быть!

Наверное, она перепугала своей истерикой заботливых девушек. Они разбежались в разные стороны и глядели теперь с изумлением и нескрываемым страхом, не зная, чего ожидать от подопечной, раздававшейся над собственным отражением.

– Нет, нет, нет! Я так не могу!

– Х'ярвин и кассо уан хелит, – ласково сказал чернокошая, первой осмелев приблизиться к надрывно плачущей девушке.

И погладила по макушке. Словно перепуганного ночным кошмаром ребенка. Жалостливо так.

Рядом с белокурой девой Мэй чувствовал себя вдвойне неуютно. Ни словом не перекинуться, ни шуткой, словно на королевском приеме. А ведь, когда Рыжий в последний раз видел Хелит в Далатте, та показалась ему чуть ли не балаболкой, так озорно она щебетала и смеялась вместе с другими девчонками. Он стоял в тени, на открытой галерее второго этажа, и Хелит попросту не могла его видеть. Тогда она ему даже не понравилась, и похвалил девчонку, только чтобы не обидеть Оллес, который души не чаял в дочурке.

...Один из последних теплых дней осени, канун сезона Акстимма-Забвения. В блюде манящей горкой лежат сладкие сочные яблоки – плоды недавно собранного урожая, благоухает на весь сад отцветающая *хизанта*, и воздух пронизан солнечными лучами. На подоконнике нежится толстый рыжий кот – тезка Мэя, названный так за сходство мастью с Отступником. Впрочем, далаттские коты все рыжие.

– Скоро будет война, – сказал тогда Оллес.

Настолько резко и неожиданно, что Мэй вздрогнул. Хотя, конечно, знал, что старый лорд Гвварин не сгущает краски. Лишь говорит вслух то, о чем в Далатте, и тем более в Лот-Алхави, предпочитают молчать. Рыжий только надеялся, что дэй'ном повременят хотя бы до начала весны. Как выяснилось, напрасно.

В памяти остался вкус яблок, запах цветов и смех светловолосой девушки.

А сейчас его локтя касалась другая женщина. Взрослая, сильная, опытная, не сентиментальная. Это было словно... хитроумный узор или сверкающий гранями камень. Из тех, что так искусно гранит Сэнхан, прежде чем вставить в перстень или ожерелье. В каждой грани отблеск сущности. И поди разбери – где кончается чутье и где начинается безумие.

«Надо было пригласить хоть парочку музыкантов, – подумалось Мэю. – А то чересчур этот ужин походит на тризну».

Еле дотерпев до конца трапезы, Рыжий торопливо проглотил кусок сладкого пирога и собрался было удалиться, но его молчаливая соседка внезапно коснулась руки ледяными, как

у снежной ритт,¹ пальцами. И главное, посмотрела с такой мольбой, что растопила бы самое черствое сердце.

– Пажаласта плиз помохитте мнэ.

Непонятно, но достаточно проникновенно, чтоб приковать к себе внимание Рыжего.

Девушка многозначительно кивнула, смешно приподнимая брови, но, как ни странно, Мэй догадался, что она хочет остаться с ним наедине. Выгонять свиту Рыжий не стал, а лишь отвел Хелит в уголок и заслонил от остальных широкой спиной.

– Я вас слушаю, миледи? Вы что-то хотите сказать?

Она приложила ладошку к его груди и спросила:

– Мэй?

– Да, это я!

Она кивнула, стукнула себя по ямке между ключицами и требовательно поглядела Рыжему в глаза. И снова повторила свой жест.

– Мэй? Мэй!

И тут он понял. Коснулся ее плеча и сказал:

– Хелит.

– Хелит?

В серых глазах девушки мелькнуло искреннее удивление, сменившееся подлинным отчаянием. Неужели не ожидала услышать собственное имя? Лойс побери, да что это вообще означает?!

– Хелит, – прошептала девушка, убитая горем. – Хелит.

Мэй ободряюще сжал ее узкую ладонь и пробормотал нечто утешительное, но на самом деле был растерян и смущен не меньше, чем несчастная дева. Что прикажите теперь с ней делать? Где искать ответы, если она даже не помнит своего имени? Вот напасть!

А Хелит неотрывно глядела в окно на две луны – одну полнолунную, другую в последней трети, и губы ее дрожали.

– Твоюмать, – потрясенно молвила она и тяжело вздохнула.

¹ *Снежная ритт* – упырь, оживший мертвец, замерзший зимой в горах.

Глава 2

Tabula Rasa

Даэмли

С именем она решила не мудрствовать. Пускай будет Хелит, раз все упорно называют ее именно так. Хотя звучит красиво. А вот в зеркало старалась лишний раз не смотреться. К чужому лицу нужно еще привыкнуть. Даже если не помнишь своего настоящего облика. Нечаянно столкнувшись с отражением незнакомки, Хелит нервничала, хмурилась и торопилась отвернуться.

Можно долго и мучительно искать подсказки, но нет доказательства яснее и лучше, чем две луны в небесах. Хелит поняла только одно: она попала в Другое Место. Потому что Там, где она была раньше, в ночных небесах была только одна луна, а значит... и тут мысль обрывалась. Однако же Хелит не потеряла способности рассуждать логично. Если она попала Сюда из... в общем, там, где она жила прежде, говорили на другом языке, а следовательно, совершенно необходимо срочно выучить местное наречие.

А еще Хелит отметила, что Здесь она весьма важная персона, ибо носились с ней как с писаной торбой. Кормили, поили, стелили постель, развлекали в меру сил, опять же, учили. Четыре девушки: Даугир, ее сестра (если Хелит правильно поняла) Фэст, очаровательная блондинка по имени Касси и тоненькая, как тростиночка, Гвилен. Куда бы ни пошла Хелит, везде ее сопровождали эти барышни, стараясь предупредить любое желание. За что Хелит была им безмерно благодарна. Девушка старалась не думать о том, что могло с ней случиться, окажись она кем-то менее значительным. Какой-нибудь... селянкой, например. Простой, никому не нужной девицей без роду без племени. Смутно, но Хелит догадывалась, что раньше она такой и была. Обычной, безвестной обывательницей, ни для кого, кроме самых близких, не представляющей никакого интереса.

«Будем считать, что повезло», – решила она про себя, занявшись более важным делом. После дня изъяснений с помощью многозначительного мычания и пантомимы Хелит отвела в сторонку Даугир, ту самую, что щеголяла черными косами в пол длины, и не отпустила до тех пор, пока не добилась взаимопонимания.

Она хочет учиться речи заново. Именно так – заново!

На следующее утро, поднеся Хелит тарелку с кашей и чашку с молоком, Даугир пришлось сначала назвать предметы. Иначе кушать гостя отказывалась. Ездят же люди в края, где говорят на другом языке. Если собираются там жить, то изучают чужую речь. Это нормально, хоть и занимает некоторое время. Чего-чего, а времени у Хелит было предостаточно.

Объясняться на пальцах или жестами довольно забавно, но утомительно. Особенно когда речь идет о личной гигиене. Здесь не водилось не только трусов, но и гораздо более важных и нужных вещей. Теперь жизнь Хелит была лишена привычного комфорта. Она точно знала, что существуют места, где для мытья воду не надо греть в огромном котле над открытым огнем, а отхожее место выглядит вовсе не как сарай с дыркой в деревянном полу. Где-то люди носили немнущуюся одежду и чистили зубы не расщепленными с одной стороны деревянными палочками, а... чем-то другим. Нельзя сказать, чтоб отхожие места замка так уж сильно поразили воображение Хелит, она видела нечто подобное, да и местных обитателей нельзя назвать беззубыми грязнулями. Но желание поговорить и обсудить насущные бытовые проблемы более всего поощряло к изучению языка. Кто бы мог подумать...

Рыжего спасителя она больше не видела. Даже издали. Не больно-то и хотелось.

«Вот выучусь говорить по-местному, тогда и поблагодарю», – мысленно пообещала Хелит.

Собственно говоря, кроме четырех опекунов и еще пары озабоченных ее обустройством женщин, она в первые дни ни с кем не общалась.

Для начала Хелит досконально обследовала свое жилище из двух комнат. Одна маленькая, с полукруглым окном, расположенным выше уровня груди и застекленным чуждыми кусочками стекла желтого и молочно-белого цвета – спальня. Здесь помещалась лишь низкая кровать, похожая на короб, в который положили стопкой несколько тюфяков и покрыли тонкой простыней. На плотно набитом овечьей шерстью и травами валике спать было непривычно, но зато не болела голова. Укрывалась Хелит покрывалом, изнутри подшитым мягким мехом.

Пол второй комнаты устилал огромный ковер василькового цвета, без ворса, зато очень толстый и теплый. Узкое высокое окно выходило, похоже, во внутренний двор крепости, потому что Хелит все время слышала доносящиеся снаружи резкие голоса мужчин. Витраж изображал геометрический узор из переплетающихся лент, но смотреть наружу через него было невозможно, настолько толстыми и мутными были цветные пластинки. Впрочем, здесь все вещи были не только удобными, но и красивыми. Подсвечники из бронзы в форме цветов, резные подлокотники кресел и ножки стола, узоры на тарелках, вышивка на одежде, отлитые в форме змей ручки столовых приборов, украшения. На гобелены на стенах Хелит могла любоваться часами. На одном из них алые и изумрудные птицы кружили в лазурно-синем небе, переливаясь каждым крошечным перышком, на другом – по вечернему лесу шла печальная девушка, закутанная в синее покрывало. Золотые деревья пронзали лучи закатного солнца, травы стелились под ноги странницы. Такой искусной работы Хелит раньше видеть не доводилось. В этой комнате Хелит и проводила дни напролет: ела, училась, слушала, как Касси играет на инструменте, похожем на арфу. А может быть, это и не арфа. Но когда девушка предложила Хелит попробовать самой, у той ничего не вышло. Бедная «арфа» жалобно звякнула, протестуя против неумелых рук.

«Так, значит, к музыке я никакого отношения не имею», – мысленно огорчилась Хелит.

Играть, как Касси, и петь, как Гвилен, она бы точно не отказалась.

Конечно, получалось поначалу не слишком складно. Хелит смешно коверкала слова и неправильно расставляла акценты.

– Мние просИть вода как?

– Скажи лучше: «Я хочу воды», – терпеливо исправляла Даугир.

– Йа хчу вады.

– Уже лучше.

Самой же Хелит казалось, что она топчется на месте и, вообще, полная бездарь. А может быть, у нее просто нет способности к языкам? Иногда в памяти всплывали фразы на еще одном языке из Той жизни, но это только подтверждало уверенность, что второй язык такой же чужой, как и местный. Обрывки песен и несколько слов – это ничего не означает.

«Осторожность – прежде всего», – без устали твердила себе Хелит по десять раз на дню.

Хотя чувство, будто идешь по узкому мостику над пропастью, не покидало ее ни на миг. Все могло сложиться гораздо хуже, много хуже.

Когда долго вынужденно молчишь, ведешь себя тише воды ниже травы, в голову начинают приходиться странные мысли, а главное, возникает множество вопросов.

Как, например, вышло, что Хелит понимает назначение большинства вещей, но не может вспомнить собственного имени? И как она попала Оттуда Сюда?

Здравый смысл подсказывал, что рано или поздно придется сознаться в подлоге, правда когда-нибудь да откроется, но прежде не мешало бы определиться самой. Как, оказывается, важно знать, кто ты такая.

Жарко пылает огонь в камине, барабанит в окно дождь, и от осознания, что все идет своим чередом, становится теплее на душе. Еще накануне Мэй дал себе обещание написать письмо брату, но все откладывал и тянул до последнего, ссылаясь на другие, менее важные дела, которые у властителя не переводятся никогда.

...Говорят, что в ночь, когда благородная Элану разрешилась от бремени первенцем, над Тир-Галаном бушевала чудовищная буря. Почти все деревья в саду Галан Май были повалены ветром, от удара молнии сгорела мельница, а град побил большую часть посевов. Мальчик родился с длинными огненно-рыжими волосами, а орал так громко, что перекрикивал громовые раскаты в небесах. А может быть, врет молва, кто знает. Однако же родился Мэйтианн'илли гэл-Финигас арр'Элану в Лойсов день, что само по себе важное знамение. Говорят, что повитуха, принимавшая роды, извлекая новорожденного из чрева, ругалась последними словами. Один раз в 150 лет смертные отваживаются праздновать день Бога-Клятвопреступника и стараются никакими особыми деяниями не привлекать к себе внимания небожителя: не напиваются, не воруют, не насилуют, даже не смеются и тем более не рожают детей. Дэй'ном, те и поныне убивают всякого рожденного в Лойсов день, не разбирая, чей плод – королевы или рабыни.

Кто знает, как бы поступил лорд Финигас, не будь он в военном походе. В свою очередь, леди Элану не стала тут же слать гонца с вестью о рождении долгожданного сына. И хотя впоследствии отец Мэя жестоко пожалел о своем отсутствии и чадолюбии супруги, но идти против судьбы не решился. Ведь неспроста же ребенка переносили в чреве на две дюжины дней более положенного природой срока? После Мэя леди Элану родила еще шестерых – четырех сыновей и двух дочерей, но только за первенца всегда по-особому тревожилось ее сердце. И когда мальчику исполнилось двенадцать, мать тайно повезла его в Лог-Йокуль к провидице из народа ангай.

Говорят, что после разговора с Вану-ангай леди Элану вышла из дома провидицы совершенно седая, узнав, что первенцу суждено стать отступником, отцеубийцей и изгоем.

Врут, конечно.

Мэй прекрасно помнил тот день и выражение лица матери, когда она дослушала бормотания ангайской ведьмы.

– Лойс поberi, за что я заплатила такую кучу денег? – сварливо спросила Элану. – За пьяные бредни выжившей из ума дуры? Мэй, клянусь, я делаю это в последний раз, – пообещала мать и купила ему в подарок новый пояс. Ангайской работы, из прекрасно выделанной воловьей кожи с накладками в виде змееглавых рыб. Сносу не было этому поясу.

Вану-провидица посулила Мэйтианну венец верховного короля, жену-чужеземку и победу в любом сражении, при условии, что биться он будет под собственным знаменем. Одним словом, вещи невозможные по определению. Во-первых, династию есть кому продолжить. Во-вторых, все мужчины в их роду женятся либо на урожденных Арант, либо на Кони-ган. А, в-третьих, в бой Мэй пойдет только под знаменем своего отца.

Кто знал, что третье пророчество Вану-ангай сбудется? Под стягом с тремя белыми стрелами Рыжий и в самом деле не проиграл ни единого сражения. Вот, поди знай, верить или не верить провидицам.

Помнится, Лог-Йокуль Мэю совсем не понравился. Жара стояла немилосердная, от реки нестерпимо воняло помоями, и по ночам на город накидывались тучи комарья. Прожорливые твари грызли всех подряд: униэн, ангай и нэсс и, похоже, не гнушались даже кровью дэй'ном. Покусанный с ног до головы Мэй мечтал только о том, чтобы поскорее вернуться в Галан Май. Там всегда дует ветер, там никогда не бывает такой удушающей жары, там по ночам люди спокойно спят, а не гоняются с пальмовыми ветками за назойливыми насекомыми.

Рыжий помимо воли усмехнулся своим воспоминаниям. Что ни говори, а времена были замечательные. Жаль только – кончилось все плохо.

Он тряхнул головой, отгоняя неуместные мысли, и сосредоточился на письме к Сэнхану, стараясь не упустить ни одного уважительного оборота, который требуется при обращении к благородному князю униэн:

«Высокородному лорду Джэрэт, благородному Сэнхан'илли, держателю Галана и наследнику бесчисленных поколений славных предков!

Дорогой брат!

Стремлюсь донести до Тебя подробности тех чрезвычайных обстоятельств неблагоприятного свойства, коими вызван перенос встречи Тайгерна с леди Хелит гэл-Оллес...»

Далее Мэй пустился в долгое и пространное описание причин и следствий происшедшего несчастья с отрядом из Далатта. Специально, чтоб Сэнхан заскучал, а еще лучше, заснул прямо над письмом. Если память не изменяла Рыжему, то чтение почты младший брат откладывал на самый конец дня. Ибо не сильно дружил с писанным словом. Вывод из послания следовал один – Тайгерну торопиться некуда. Пусть сидит в столь любезной его сердцу столице и продолжает флиртовать с придворными дамами.

Письмо заканчивалось приветами всему благородному семейству, а также смиренным: «Писано 20 дня Даэмли. Мэйтианн Отступник». Хотя Рыжий точно знал, что о его письме никто в Галан Май, кроме самого Сэнхана, не узнает.

Он отхлебнул из кубка горькое ангайское вино, отвратительное на вкус, но при том бодрящее и освежающее.

– Хельх!

Мальчишка отвлекся он созерцания дождевых дорожек по ту сторону оконных стекол и спрыгнул с подоконника.

– Чего изволите, ваша милость?

– Позови Даугир. Срочно.

– А если спросит, зачем звана?

Мэй в ответ только бровь приподнял, окинув ординарца тяжелый взором. Понятное дело, девицы начнут насмешничать. Так не будь лопухом! На зов Рыжего обычно бегут со всех ног.

– Разбаловал ты парня, мой лорд, – заметил Дайнар, оторвавшись на миг от чтения, пока переворачивал на пюпитре лист «Хроник царствования Владыки Раналя».

– Сам знаю. Сослать в оружейную на пару дней, что ли? Пусть поработает песочком? – мечтательно вздохнул Мэй.

– Ты кого угодно разбалуешь, дай тебе волю.

– За собой гляди, – буркнул князь.

Не было у Рыжего ни малейшего желания пускаться в словесный поединок с давним соратником. Не то настроение.

«Расслабился ты, Отступник, за долгую зиму, разленился в относительном покое, – корил себя Мэй. – Так дальше пойдет – забудешь о том, как на самом деле к тебе относятся люди, и разучишься сдачи давать».

Сезон Забвения – Акстимма прошел для обитателей Приграничья на редкость мирно и спокойно. Даже голода, как такового, не приключилось. Зима выдалась снежная, перевалы в Чардэйк закупорило наглухо – ни конному, ни пешему не пройти. Вот и разбаловался Эр'Иррин, за чередой мелких радостей забыв на время про свой нелегкий долг – беречь покой целого народа. Ничего, скоро дэй'ном на пару с нэсс захотят пожить за счет ненавистных униэн.

– Милорд?

А вот и Даугир! Как всегда свежа, весела и неутомима. Интересно, Снайф понимает, насколько ему повезло с женой?

Мэй жестом указал на кресло напротив.

– Рад видеть вас, – довольно холодно поприветствовал он молодую женщину. – Что нового расскажете о своей подопечной – о леди Хелит? Она выздоравливает?

- Выздоровливает? – удивилась Даугир. – Хелит вполне здорова умственно и телесно.
- Но она так и не вспомнила ничего о себе?

– Нет. Но так бывает. Помните того парня... Гленди, кажется, которого лягнула лошадь? Он вообще разучился говорить.

– Я не удивился, если бы леди Хелит от такого удара оглохла бы и ослепла, а не только перестала разговаривать. Но как ты объяснишь ее неизвестное наречие?

Даугир пожала плечами, всем видом как бы говоря, что из них двоих объяснять и искать отгадки полагается князю. По статусу, так сказать.

– Будь на моем месте какая-нибудь забитая нэсс, она бы сказала: «Божьи шалости», а я имею каждый день дело с вполне разумной девицей, жаждущей обрести утраченное.

Дайнар осуждающе покосился на дерзкую красавицу, смеющую отвечать Рыжему в непустимо резком тоне. Если бы не обещание Оллесу, то стал бы Рыжий возиться с беспамятной девушкой? Нет, конечно. Давно бы уже отправил в Далатт. Пусть с ней разбираются тамошние ведуны и целители.

– Леди Хелит проявляла какие-нибудь таланты из прежних... э-э способностей? – допытывался Мэй. – Оллес однажды показывал мне рисунки. Пела она так себе.

- Петь не поет, рисовать тоже не пыталась, – вздохнула Даугир.

Зато леди Хелит умела писать. На своем, никому не понятном языке. И не пером и чернилами, а на восковой дощечке заостренной палочкой. Даугир восхищенно цокала языком, когда смотрела, как ее подопечная уверенными движениями чертит округлые, сросшиеся меж собой хвостиками буковки. За перо Хелит не знала даже как взяться, не говоря уж о том, чтобы правильно зачинить. Но с готовым перышком управилась довольно быстро, легко нарисовав свои загадочные закорючки на листочке бумаги.

«Кто уже учен, тот всегда может научиться чему-то новому», – неустанно твердил Гвифин всем встречным-поперечным. Теперь у Даугир были все основания верить болтливому ведуну. Леди Хелит хотела и умела учиться. Достаточно было посмотреть, как она упорно чертит на тонком слое воска новые слова, как старательно их повторяет, чтобы зауважать упорную девушку из Далатта.

- Мне ее жалко. По-моему, нет ничего хуже, чем забыть самое себя.

«Есть кое-что и похуже, но тебе об этом лучше не знать», – подумал Мэй.

– Хорошо. Вы можете идти, – распорядился он, отмечая, какими многозначительными взглядами обменялась девушка с Дайнаром на прощание.

– Неужели тебе до сих пор не дает покоя эта странная потеря памяти? Мы же сошлись на том, что девушку не превратили в кайт. Гвифин бы давно учуял неладное.

Дайнар, похоже, устал от нудных описаний деяний Верховного Короля Раналя и решил разговорить своего лорда.

- Вроде бы ты не возлагал особых надежд на союз Хелит с Тайгерном. Или как?

Мэй поморщился. Лорду Гвварин он лишь пообещал познакомить дочурку с младшим братом, но никогда не брался предвидеть благосклонность девичьего сердца. Это нэсс пускай неволят своих женщин, продавая их мужьям, точно домашний скот. Десяток овец за одну девственницу низкого рода. Униэн никогда не женятся против желания и симпатий. Другое дело, что увлечение увлечению рознь. Тайго – сложный человек, с ним тяжело ужиться, невзирая на тщательно культивируемую им легкомысленность, граничащую с легковесностью.

Кто поверит, что у сыновей Финигаса может оказаться легкий характер?

– Меня не волнует память Хелит, если хочешь знать. Я хочу выяснить, кому понадобилось устраивать на нее засаду и покушение? Предлагаю и тебе поразмыслить на досуге – кому из наших врагов потребна жизнь леди Хелит из Далатта. А, Дайнар? Похоже, моих мозгов будет маловато.

- А если это случайность?

– Я не вожу дружбы с Небесным Игроком, – хмыкнул Мэй, имея в виду невозможность вмешательства слепого случая в свою жизнь. – Только не со мной.

Семейство Гвварин, к которому принадлежала Хелит, почти целиком сгинуло во времена Войны Северных Народов. Когда погиб Оллес, то в наследство своей дочери он не оставил ни сокровищ, ни земель, ни влиятельных покровителей, кроме славной истории предков, разумеется. Впрочем, ее право унаследовать власть отца еще никто не подтвердил. К тому же неизвестно, что скажет Совет.

Пока шли дожди, холодные и затяжные, как обычно ранней весной, из комнаты, где топились камин, нос высовывать не хотелось никому. Но вскоре установилась солнечная теплая погода. Утром Хелит проснулась в комнате, залитой золотым светом, и ее потянуло на свежий воздух.

– Можно пойти гулять, уан Касси? – спросила она после завтрака, изобразив пальцами прогулку по столешнице.

Слово «уан» здесь означало обращение к незамужней девушке, а замужнюю следовало называть «в'енна». Так вот Даугир была «в'енна», а сама Хелит «уан». Обстоятельство, крайне ее смутившее. Почему-то.

– Конечно, мы выйдем на прогулку, уан Хелит, – заверила Касси и побежала советоваться с Даугир.

Наверняка желание выйти прогуляться было воспринято как первый шаг к выздоровлению. Девушки оживились, притащили несколько платьев одинакового покроя, но разных цветов: оливковое, красное и черное. Хелит, недолго поразмыслив, выбрала черное. По подолу шел широкий затейливый узор из нашитых поверх ткани тонких лент. Те же самые хитрые петли и спирали украшали ворот и манжеты рукавов, надевающихся отдельно и привязывающихся к плечам тесемками. Обилие веревочек и шнуровок превращало одевание в медленную пытку, но Хелит терпеливо ждала, когда помощницы подгонят одежду по фигуре. Во-первых, ее отказ мог быть неправильно истолкован, а во-вторых, уж больно красивым оказался наряд. Едва Гвилен поправила последний шнурок, Касси от восторга всплеснула руками, а Фэст сняла с себя серьги и вдела их в уши подопечной. Отлитые в форме замысловатых спиралей, они дополняли созданный образ. Даугир с опаской поднесла зеркало, памятуя, какие сложные отношения сложились у леди Гвварин с собственным отражением. Но Хелит научилась держать себя в руках, чтобы сразу же не отпрянуть, встретившись взглядом с девушкой из зазеркалья.

– Красиво, – улыбнулась она. – Очень.

– Не просто красиво – это... я никогда не видела такого... Вам... идет этот цвет. Редкое... – сказала Даугир.

Фэст набросила на плечи Хелит накидку из волчьих шкур и застегнула на груди большой заколкой-фибулой. Пронзенный кинжалом серебряный цветок с бирюзовыми лепестками, восхитивший девушку красотой и качеством исполнения.

– Идем? – позвала Даугир, увлекая за собой подопечную.

Шелестящей длинными юбками стайкой они выскочили в узкий ветвящийся коридор. Не будь рядом девушек, Хелит непременно заблудилась бы в бесконечных закоулках.

Волчья накидка оказалась очень даже кстати. Снаружи, несмотря на яркое солнце, гулял холодный резкий ветер.

Ослепленная ярким светом, Хелит споткнулась о сияние весеннего дня. Чужая жизнь, так непохожая на прежнюю, застала ее врасплох. В чем именно состоит различие, девушка понять пока не могла. Она так и стояла столбом, раскрыв рот. Глупо, конечно. Но что поделаешь, если (Хелит готова была поклясться!) раньше она никогда и ничего подобного не видела. Огромный мощный камнем двор, зажатый со всех сторон высокими крепостными стенами, был запружен народом. Жизнь в Эр'Иррине кипела, и всем его обитателям было чем заняться.

Если не на конюшне, то на кухне, если не в погребке, то на плацу. По всей стене были расставлены стражи, чьи темные плащи полоскал ветер. Пахло смолой и горящим торфом, лошадьми и собаками.

Точно взбунтовавшаяся улитка, сбежавшая из данного природой домика, Хелит захлебнулась светом, звуками, запахами и остро чувствовала, что оказалась в абсолютно чужом для нее мире.

Бабочка, присевшая на железную броню; былинка, пробившаяся к солнцу через брусчатку мостовой... Она чувствовала себя букашкой на каменной ладони. Еще немного – и она утонула бы в черных пучинах неизвестности. Ведь раздавят, сомнут и прихлопнут на лету.

Кто ты такая, Хелит из Далатта? Откуда пришла? Зачем? Что будешь делать?

Молчишь?

В уютной маленькой комнатке, в безопасности, под защитой стен, витражей и гобеленов легко обрести уверенность, осознавать свою значимость и строить планы. Но за стенами-гобеленами ты никому не нужна.

А раньше... Там... была нужна? Кому?

Сорванный ветром листочек. Сколько бы ни кружил тебя ветер, сколько бы ни носил тебя в своих бездонных карманах, однажды листочек упадет на землю. И станет грязью...

– Леди Хелит, что с вами? – настороженно спросила Касси.

– Солнце... ветер...

– Вернемся?

– Нет. Я хочу наверх.

Более всего в этот миг Хелит жаждала оказаться на стене, увидеть крепость и окрестности, убедиться в том, что все происходит в реальности, что это не сон, а явь.

На стене, куда они поднялись по узкой каменной лестнице без перил, ветер буквально сбивал с ног. Не столь крут оказался подъем, но сердце Хелит гулко билось о ребра, все время пытаясь заскочить в горло. Не иначе как от волнения. Шаг, другой – и она увидит...

Под невыносимо синим куполом небес с бешено несущимися по нему облаками лежал ОН. Да, да, целый мир! Огромный, величественный и чужой. Вроде бы все, как положено: лесистые холмы, деревушки, чередующиеся изумрудные и коричневые лоскутки полей. Ленты дорог, уводящие путника в густые чащобы. Бескрайние леса, притаившиеся у подножия далеких гор с белыми снежными вершинами. Но все же...

Теперь это был и ее мир тоже. Потребуется гораздо больше времени, чтобы это осмыслить. Понять и принять.

Засмотревшись и задумавшись, Хелит не заметила, как к ней подошел Дайнар. Тот самый, который был с князем Мэем в тот день в лесу.

Девушки почтили его церемонным поклоном. Кажется, они его побаивались.

– Доброго дня, в'етт Дайнар, – вежливо сказала Хелит, довольно успешно копируя изящные движения Даугир.

– Доброго дня, миледи. Я рад... хочу... вместо...

– Говорите медленнее, я не все понимаю, – попросила она.

Смуглый господин, похоже, устыдился своей стрекочущей говорливости.

– Простите, миледи. Я не хотел вас смущать.

«Смущение» дословно переводилось примерно как «лишение». Смешно выходило: «Я не хотел вас лишать». Хелит улыбнулась. Дайнар ей почти нравился. Здесь вообще было много красивых мужчин: высоких, хорошо сложенных. Молодежи в крепости оказалось гораздо больше, чем людей старшего возраста. А стариков не было совсем: ни мужчин, ни женщин. Самым старым казался Гвифин. Тот, кого остальные называли «фрэй» и считали кем-то вроде лекаря или колдуна. У него в аккуратной бородке клинышком проглядывала седина, но при

этом волосы оставались иссиня-черными. Кроме трех угрюмых подростков, Хелит других детей не заметила.

– Как вам нравится в Эр’Иррине? – поинтересовался Дайнар, чтобы как-то поддержать увядший разговор.

– Нравится. Красиво.

Хелит старалась не использовать длинных предложений – они пока давались ей с трудом, ограничивалась короткими рублеными фразами.

– Лучше, чем в Далатте?

– Где?

– В Далатте.

– Я не... помню.

Говорить «не знаю» девушка не решилась. Пусть лучше щедрые и заботливые хозяева остаются в легком неведении. Скажешь «не знаю» – и окажешься за стенами крепости. Хелит вела себя осторожно. Рано или поздно она разберется в местных делах и постарается занять достойное место в странном обществе красивых женщин и мужчин.

– Жалко, – сочувственно вздохнул Дайнар. – Далатт – прекрасный город. И там ваш дом.

«Мой дом... мой дом... кто знает, где он, мой дом, – подумалось Хелит. – Надо будет поглядеть на этот Далатт, а вдруг...» Но что-то внутри подсказывало: «Даже и не надейся, что твой дом окажется так близко. Он остался в недостижимой дали».

– Надеюсь, вам здесь хорошо?

– Хорошо, – кивнула Хелит.

– Я рад.

Лед в синих глазах господина Дайнара стремительно таял. Ему совершенно определенно пришлось по душе холодноватая сдержанность гостыи. Она не щебетала, как остальные женщины, не смеялась и не пыталась кокетничать. Избалованному неустанным дамским вниманием Дайнару такие манеры были внове. «Забавно, а ведь Мэй помнит ее неугомонной хохотушкой», – подумалось ему.

– Вы не замерзли?

– Нет. Тепло, – улыбнулась она, но поплотнее запахнула накидку.

– Смотрите! – вдруг воскликнула Касси, прерывая беседу. – Это же... они приехали... леди Хелит... домой...

По мощенной булыжником дороге к замку мчался отряд. Гнедые кони, серые плащи, круглые щиты с изображением цветка о пяти лепестках.

– Ваши фианни, леди Хелит, – усмехнулся Дайнар. – Быстро они...

От волнения Хелит на время потеряла дар речи.

– Кто? Кто это?

– Ваши фианни-подданные.

Те, кто должен знать Хелит с детства, видеть, как она росла в отчем доме, помнить ее. В последний раз, изо всех сил напрягая память, она попыталась вспомнить хоть одно лицо из прошлого. Но тщетно. Пустота. Словно тогда, на залитом кровью берегу речки, ее жизнь началась заново. С чистого листа.

– Надеюсь, вы еще погостите у нас, леди Хелит, – ласково молвила Касси.

– Да. Наверное.

Мэй принимал посланников из Далатта в Малом Зале, предназначенном для неофициальных встреч. Да и не расположен был Рыжий к торжественным приемам. Он только вернулся из Уводья, провел безвылазно в седле почти три дня и едва успел смыть грязь и пот, когда ему доложили о приезде далаттцев.

Если Рыжий и был удивлен, то не показал виду. А поводов для удивления имелось более чем достаточно. Во-первых, он отправил в Далатт гонца с известием о том, что леди Хелит прибыла в Эр'Иррин, в котором, кстати, ни слова не упомянул о нападении. Во-вторых, даже если Хефейд и проведал о гибели отряда, то послание Мэйтианна должно было его успокоить. Наследница Оллеса в безопасности, а это – главное.

Однако мадд Хефейд вовсе не выглядел умиротворенным. Он ворвался в зал, словно по пятам за ним гнались полчища свирепых дэй'ном.

– Где она, Мэй? Где?

– И я рад тебя видеть, Хеф, – спокойно отвечал Рыжий, привставая навстречу старому знакомому в знак уважения его заслуг и почтенного возраста.

Толстая коса воина, по старинке украшенная бронзовыми висюльками, давным-давно стала снежно-белой. Говорили, что в юности Хефейд был жгучим брюнетом, но Мэю этого видеть не довелось. Зато он не раз лицезрел его в бою.

Остальных далаттцев Мэй знал если не лично, то в лицо. Похоже, Хеф приволок в Эр'Иррин треть гарнизона. Не многовато ли для визита вежливости?

– Разве ты не получил моего письма? Гонец меня обманул?

– Я читал твою писульку, Мэй. И не верю ни единому слову.

Рыжий побледнел от гнева, а в зале установилась мертвая тишина.

– Ты обвиняешь меня во лжи?

– Я точно знаю, что Хелит погибла! – прорычал мадд Хефейд.

– Она жива и более-менее здорова!

– Докажи!!!

Хеф разнервничался не на шутку, его воины не знали, что и подумать. Репутация у Отступника еще та, но, с другой стороны, он был славен исключительной честностью.

– Немедленно позовите Хелит! – сквозь зубы прошипел Рыжий. – Сейчас же!

Его приказ застал девушку на пороге Малого Зала. Люди поспешно расступились, пропуская ее вперед, образуя коридор между ней и далаттцами.

– Хелит! Девочка! – воскликнул старый воин, не скрывая слез радости.

Она сдержанно улыбнулась в ответ и едва не отпрянула, когда белокопый могучий мужчина, а следом за ним остальные воины в серых плащах рухнули на одно колено и почтительно склонили головы.

– Мы – твои навеки! А ты наша повелительница до смертного часа!

И белокопый протянул ей тоненький ажурный венец, который на его огромной коричневой ладони смотрелся чересчур большим браслетом.

Хелит собрала душевные силы в кулак, чтоб не выдать истинных чувств.

«С чистого листа, – напомнила она себе. – Все с чистого листа. Заново».

Она аккуратно взяла венец, не догадываясь, что с ним теперь делать: надеть на голову или нет. Хорошенькое дельце, а вдруг сначала нужно совершить какую-нибудь церемонию? Спросить не у кого, кроме...

Мэй, словно прочитав по ее лицу невысказанный вопрос, смешно скосил глаза к переносице и взглядом показал наверх. Значит, следовало надеть. И Хелит осторожно опустила обруч себе на макушку.

Выглядела она такой недотепой, что Мэй едва удержался, чтоб не хихикнуть по-мальчишески. В приграничье нравы попроще, а в столице девицу подняли бы на смех, хотя держалась она неплохо для своего возраста и положения. То ли не ожидала, что вопрос наследования так внезапно решится в ее пользу, то ли рассчитывала избежать тягот власти. Обычно Рыжему легко удавалось читать по лицам тайный умысел. Житейский опыт, знаете ли, не убывает. Не то что сила...

– Я почти за честь оказать достойный прием новой владельнице Далатта, – молвил Мэй, делая знак домочадцам и охране оставить его наедине с Хефейдом и Хелит.

– Век тебе буду благодарен, – сказал Хеф, когда они остались втроем. – За то, что умудрился спасти нашу девочку.

– Она сама спаслась.

– Как? – поразился Хеф, обращаясь к девушке.

Рыжий вкратце пересказал недавнюю историю.

– Понятия не имею, как она умудрилась уцелеть, – пожал плечами Мэй и поторопился пояснить: – Леди Хелит ударили по голове, и она потеряла память.

– Ты совсем меня не помнишь? – спросил далаттец, бережно касаясь плеча своей госпожи.

Девушка огорченно покачала головой:

– Нет. Простите.

– Ее приходится заново учиться разговаривать. Может быть, ты поторопился с клятвой?

Рыжий перешел на гайши, рискуя обидеть Хелит, не знавшей этого языка. По крайней мере, другая униэн непременно обиделась бы.

– Мэй, ты не поверишь, но я загнал двух коней по пути в Эр’Иррин, чтобы уличить тебя во лжи, а то и в чем-то похуже. Я ведь точно знал – Хелит мертва. Я своими руками пытал атамана-нэсс, который устроил засаду возле Тошей Гати. Он захлебывался собственной кровью и желчью, жрал свое дерьмо, но клялся Непостижимым, что лично снимал с трупа платье и сапоги. Лично! – рассказывал Хефейд.

– Как попал к тебе этот разбойник?

– Случайно... а может, и не случайно...

Хефу не занимать сообразительности, ибо, когда Мэйтианн еще пачкал пеленки в колыбельке, тот уже рубился с дэй’ном. Рыжий незаметно покосился на Хелит, пытаясь определить, понимает она, о чем идет речь или нет. И остался ни с чем. Проще было прочитать еще ненаписанную книгу, чем догадаться о помыслах девушки из Далатта. Одно ясно, за хладнокровным спокойствием скрывается нечто неординарное. И пусть не обольщается Отступник ни юным личиком, ни смиренным видом, ни кротким взором невинной девушки. Та, которая затаилась в Хелит, по-прежнему ждет своего часа. Ничего, ничего... Мэй тоже умеет быть терпеливым.

– Поговорим позже, Хеф. Простите, леди Хелит.

– За что?

– Просто так. Воину никогда не лишне извиниться перед женщиной, – любезно улыбнулся Мэй.

– Узнаю старого доброго Мэйтианна, – хмыкнул далаттец. – Столичные штучки.

«Много ты знаешь о столичных штучках», – снисходительно подумал тот.

Раньше Рыжий обожал всякие загадки, просто обожал. А потом резко разлюбил. Но не исключено, что ему придется вспомнить старое.

Глава 3

«Счастличик» Мэй

Даэмли

После очередной бессонной ночи предложение мадда Хефейда можно было бы смело отвергнуть. Дескать, нагулялся по округе за последние несколько дней до одури, хорошего понемножку. Но Хеф, говоря о пустяках, коснулся последовательно отсутствующей мочки левого уха (в юности покалечился), подбородка и мочки правого уха. На языке знаков, распространенном среди воинов старшего поколения, это означало – у далаттца есть кое-что, предназначенное исключительно для ушей Мэй. Такие вещи лучше говорить с глазу на глаз, чтобы подслушать смог один лишь ветер.

«Ну ладно... С ветрами у нас проблем нет», – подумалось Рыжему.

Под надуманным предлогом – показать место, где на леди Хелит напали разбойники, – Мэй и его гость в сопровождении своих оруженосцев оставили Эр'Иррин на попечение раздосадованного Дайнара. Ехали молча, думая каждый о своем. О чем были помыслы Рыжего – неведомо. Хефейд то и дело бросал взгляды на молодого князя.

Эх! Видел бы князь Тир-Галана своего первенца сейчас. Как держится в седле, как смотрит перед собой! По ветру летит огненная грива волос, спина прямая, широкие плечи, сидит на вороной чистокровке как влитой, у левого стремени бежит матерая свирепая сука из своры. И гадать не нужно, кто таков – повелитель и защитник земель, воин и зрелый муж. Твой сын, Финигас!

Много лет назад Оллес, не дослушав рассказчика, сразу сказал: «Ложь!» – и никому никогда не позволял хулить Рыжего Мэй в своем присутствии. Далаттский повелитель никогда не ошибался в друзьях.

Мысли о покойном господине не на шутку расстроили старого воина, напомнив, что никто не вечен.

– Вот тут все и произошло, – сказал Мэй, указывая на песчаный противоположный берег Бэннол.

– Паршивое место.

– Не то слово, – согласился Рыжий. – Сам делаю крюк. Аж до самого Карста.

– Правильно, – одобрил Хеф. – Так-то оно спокойнее будет.

Они какое-то время обменивались нехитрыми мыслями относительно тактики форсирования водных преград, старательно избегая смотреть друг другу в глаза. Пока разговор сам собой не помер.

– Прогуляемся? – предложил Мэй.

– Самое время.

Оставили молодого далаттца в компании с еще более юным Хельхом, наказав стеречь лошадей, а сами спешили и неторопливо прогулялись в близлежащую рощу.

Пахло молоденькими клейкими листочками, припекало солнышко, хоть бы веточка хрустнула под ногами Рыжего. Не у каждого следопыта так ладно выйдет.

– Не хочешь спросить, отчего я Хелит домой не увожу? – спросил Хеф.

– Хочу, – согласился Мэй. – Отчего ты не увозишь леди Хелит в Далатт, мадд Хефейд?

– Оттого, благородный князь, что опасаясь, как бы не приключилось с ней новое несчастье. Дэй'ном не оставят своих попыток убить наследницу Оллес.

– Почему?

– Говорят, что их Читающая-по-Нитям в Мажью Ночь предрекла, будто дочь Кер станет угрозой дэй'ном и сильно им навредит.

– Каким образом? – удивился Рыжий.

– Вроде бы она приведет на белый трон Лот-Алхави нового Верховного Короля униэн.

Мэй соображал быстро. Значит, так: дочь Кер – несомненно, Хелит, иначе и быть не может, только у ее рода на гербе священный пятилистник. Читающие-по-Нитям абы что во всеуслышание не говорят. Они в основном молчат, а если уж отверзают уста, то не для праздной болтовни. Тем паче в Ночь Чаш...

– И чем так грозен окажется для дэй'ном новый Верховный?

– Откуда мне знать, Мэй? Да и не ведал о таких мелочах нэсс-убийца.

– Стало быть, ты думаешь, что дэй'ном специально послали наемников к Тощей Гати убить Хелит?

– Полагаешь иное?

Нет, полагать тут было нечего. Прозрение Читающей-по-Нитям – вещь слишком серьезная, чтобы закрывать на нее глаза. Хотелось бы знать, что на это скажет Читающая униэн? Альмар, кстати, тоже не слишком возрадуется появлению неведомого преемника.

– Темны слова дэй'ном, – вздохнул Рыжий. – «Приведет на трон»? Странно. Не родит, получается, а приведет.

– Теперь понимаешь, что Хелит лучше оставаться в Эр'Иррине.

– Лучше-то оно лучше...

В ответе молодой листвы глаза Мэя казались скорее не серыми, а ярко-зелеными. И такая смертельная тоска плескалась в них, что у выдавшего виды старого воеводы сжалось сердце.

– А когда придет из Лот-Алхави приказ доставить ее пред ясны очи Альмару, что прикажешь мне делать, мадд Хефейд? Или думаешь, где Отступник, там и до Предателя рукой подать?

– Без ножа режешь, князь. Видит Благая Ито, и в мыслях не держал, – обиделся Хеф.

Он отвернулся, пнул в сердцах ствол невинной *бетаны*, разве что не сплюнул от досады.

– Не сердись, мадд. Это Лойс моим языком ворочает, – горько усмехнулся Мэй. – Злой я стал.

Рыжий прислонился спиной к дереву, поднял голову, любуясь высокими синими-пресиними небесами. Точно прикованный навечно к позорному столбу.

– Ты всегда был недобрым, в'етт, не прибедряйся.

– Не переживай, Хеф. До Лот-Алхави далеко, как до неба. Выкрутимся.

«Сам-то ты хоть веришь? – подумалось далаттцу, но он промолчал. – Темны слова дэй'ном, в них поровну правды и лжи, поди отличи, где истина».

Заскучавшая Ро прибежала по следам и ткнулась влажным носом в ладонь:

«*Побежали, Хозяин? Побегали?*» – молили ее мерцающие глаза.

Мэй потрепал умную псину за ухо, поражаясь, как стремительно утекает собачья жизнь. Вот только-только играл с пушистым толстым щенком, а уже грива Ро наполовину седая, и сама она давно стала праматерью множества отважных хвостатых охотников, сторожей и воинов.

– Уже зовешь? Ну пошли, королева моя.

«*Я Люблю Тебя! Люблю, мой Хозяин! Ты – лучший!*»

И отбросив, как ненужную шелуху, все условности, Мэй сбежал с пригорка наперегонки с Ро. Легконогий, стройный, стремительный, каким и положено быть сыну Финигаса.

Очень своевременно, надо заметить. Юных униэн взяла в окружение толпа нэсс, состоящая в основном из женщин, детей и подростков, а потому не опасная для двух вооруженных воинов. Мэй разглядел всего трех взрослых мужчин.

– Что здесь происходит? – сурово спросил он, подходя ближе.

Вместо ответа нэсс тут же бухнулись на колени, уткнувшись лбами в притоптанную траву. И дети тоже. Затем один из мужчин осторожно приподнялся и поглядел на Мэйтианна. Снизу вверх.

– Милости, добрый князь, просим у повелителя защиты и покровительства. Прими под свою руку беглых погорельцев, – взмолился он, сразу признав в подошедшем униэн Рыжего.

Было бы странно, если бы не узнал. По эту сторону Бэннол жил только один меднокопый князь.

– Из какой земли вы бежите?

– Из Шастского Кангата.

Ага! Верно, там принято валиться владетелю в ноги.

– Ангай снова устроили гонения на нэсс, – проворчал подоспевший Хеф.

– А почему вы не подались в Бурмиэ или в Сатт под руку к королям своей крови?

Причину Мэй, безусловно, знал, просто хотел услышать, что скажет нэсс.

– Погляди на нас, добрый князь. Всего добра – одежда да малые детки. Зажиточных бы в Сатте приняли, а в Бурмиэ шибко не любят солнцепоклонников.

Рыжий хмыкнул:

– А я, значит, достаточно добрый, чтоб одаривать землей бедных солнцепоклонников? Плохо же вы меня знаете, нэсс. Я подати исправно собираю и лес подсекать не даю. Да и неспокойно в Приграничье. Набеги дэй'ном не пугают?

– Не пугают. Пуганые мы, – стоял упрямо на своем мужик.

– А то, что я буду забирать каждого второго сына в дружину? – пригрозил Мэй. – На целых три года.

– Коли станешь кормить, то бери. Видит Отец, трусливых в роду не водилось.

Понравился нэсс Рыжему не столько упрямством и настойчивостью, сколько твердым взглядом свободного человека, мыслящего и независимого. Среди нэсс такие нечасто попадаются.

– Как звать тебя?

– Шиан по прозвищу Медведь, добрый князь, – поклонился нэсс.

– Как попал на мои земли?

– Речку на плоту переплыли, – пояснил Шиан. – Едва не потонули.

Размышлял Мэй недолго. На самом деле ему всегда нужны были люди, чтобы поднимать и обустраивать здешние дикие земли: пахать, скотину разводить, мостить дороги, крепости строить и чтобы драться с дэй'ном – тоже. Сил униэн на все не хватит.

Он снял с мизинца левой руки серебряное кольцо – три переплетенные между собой стрелы и протянул старосте.

– Веди своих к Эр'Иррину. Покажешь страже кольцо, чтоб пустили внутрь. Твои люди получат еду, а тебе я дам грамоту на землю.

Досматривать, как режут от радости и облегчения женщины, тем более благословлять их заморенных золотушных детишек Мэй не стал. Забрался в седло и был таков вместе с Хефейдом и парнями. Все, что в его силах, для нэсс он уже сделал.

– Поглядите-ка! – воскликнула Касси, заскочив в комнату. – Не иначе наш лорд подобрал беженцев-нэсс.

Прилежно трудившаяся над переводом простенькой детской сказки, Хелит не сразу поняла, о чем речь. Нэсс? Полуденные люди? Люди полдня? Ее давно занимала любопытная особенность местного языка. Четыре разных слова означали понятие «люди»: униэн, нэсс, ангай и дэй'ном. Сначала Хелит решила, что это самоназвания разных народов. Даугир пояснила, что разница более существенная, но в чем она состоит, Хелит так и не поняла. Решила, что опять не хватает знания языка.

– Надо отдохнуть от занятий. Идем посмотрим на нэсс! – позвала девушка, заранее отсекая всякие возражения. – Даугир распорядилась накормить их женщин и детей. Бедняжки, они так оголодали!

Из внутреннего двора, куда посторонних не пускали, они прошли в передний двор, туда, где кузница, мельница и бассейн с водой и где прямо на земле расположились беженцы. Хелит видела перед собой обыкновенных мужчин и женщин, пусть более изможденных и грязных, чем обитатели замка, но несколько не отличающихся от последних ни цветом кожи, ни разрезом глаз. Были среди них и светловолосые, и жгучие брюнеты, высокие и низкорослые. Почти, как униэн, только... другие. Описать словами это странное чувство Хелит не смогла бы даже на родном языке. Сравнить можно, скажем, с лесом. Деревья как деревья, но одно дуб, а другое – липа. Или, например, птицы. Крылья, клювы, перья у всех есть, а курицу с чайкой не перепутаешь. Здесь же различие коренилось в ином. Казалось, будто в жилах нэсс течет кровь другого цвета. Поставь рядом Гвилен и, скажем, во-о-он ту русоволосую девушку. Гвилен не такая худая, волосы у нее чистые, руки не натруженные, но будь у молоденькой нэсс те же условия жизни, все равно даже с закрытыми глазами невозможно ошибиться, кто есть кто.

Для проверки Хелит погладила по голове маленького, едва ли годовалого мальчика. Ощущение, словно окунула ладонь в горячий источник. Глазастое истощавшее существо не устояло на кривых ножках и плюхнулось на попу. Девушка легко подняла ребенка на руки.

– Так вот ты какой – Полуденный.

Мальчуган не испугался, наоборот, он протянул черную от грязи ручонку и прикоснулся к щеке Хелит.

– Его надо помыть. От грязи можно заболеть, – сказала она, отдавая малыша в руки матери. – Он же руки тянет в рот.

– Хорошо, госпожа, – испуганно кивнула женщина-нэсс. – Я сделаю так, как вы сказали.

– А откуда вы знаете, что они болеют от грязи? – удивилась Касси.

– Все знают, – неопределенно пожала плечами Хелит.

Она просто знала, и все. Руки надо мыть, фрукты и овощи тоже, воду кипятить, одежду регулярно стирать, переходя дорогу – сначала посмотреть налево. Другой вопрос, почему и откуда она это знает.

Хелит помогла раздать переселенцам кашу, молоко и хлеб, собственноручно покормив двух девочек-близняшек, пока их мать возилась с кричащим младенцем.

– Совсем другие. Они не такие, как мы, – поделилась она своим открытием с Даугир.

Они сидели на подоконнике распахнутого настежь окна, наблюдая, как солнце садится в рваные сизые облака, предвещающие особо ветреный день.

– Снаружи почти одинаковые, а внутри – разные. А если мужчина-униэн женится на женщине-нэсс, то будут ли у них дети? – поинтересовалась Хелит.

– Нет. Либо совсем не будет потомства, либо ребенок родится мертвым.

– И с другими... с ангай и дэй'ном тоже?

– Со всеми. Полукровок не бывает, если ты это хочешь выяснить.

Уже кое-что. Хелит теперь знала, что все четыре расы не принадлежат к одному виду. Странно и удивительно. Разве так бывает?

– Но почему? Мы же с виду неразличимы.

По всей видимости, Даугир никогда прежде о таких обыденных вещах не задумывалась и различия между народами воспринимала как данность.

– Предание гласит, все оттого, что мы по-разному пили из Чаш Богов. Я тебе расскажу, леди Хелит...

Девушка слушала и не могла поверить. А выходила прелюбопытная история.

С начала времен все были одинаковыми, хоть и назывались по-разному. Но Боги решили одарить своих подопечных, так сказать, по заслугам и согласно наклонностям. На поляне Древ-

него Леса поставили они три большие чаши. Одну наполнили огнем, другую – чистой водой, третью – медом.

По природе коварные дэй'ном не стали дожидаться рассвета, а прислали ночью двух разведчиков, чтоб те зачерпнули из каждой чаши по целому большому кубку. Утром первыми пришли жадные нэсс, решившие захватить себе самого лучшего и побольше. Они пили воду и, конечно же, дорвались до сладкого меда. Тут подоспели упрямые ангай, страшно возмутились и силой заставили нэсс поделиться. Униэн же опоздали. Никто не знает почему. Может быть, им никто про очередность не сказал, а возможно, они не захотели идти по солнцепеку. Но когда они пришли, то им достались всего капелька меда, совсем немного воды и почти полная чаша огня. Как раз его дэй'ном набрали кубок, а нэсс и ангай взяли ровно столько, чтоб не обидеть Богов. Когда же Боги увидели опустевшие чаши, они объяснили смысл своих подарков. И выяснилось, что огонь означал жизнь, вода – плодovitость, а мед – смерть.

– И униэн забрали себе весь огонь?

Даугир рассмеялась:

– А что им оставалось делать?

Тоже верно. Хорошенькие подарочки. Добренькие у них Боги.

– Значит, униэн живут долго? Дольше, чем нэсс и ангай?

– Гораздо. А вот как распорядились дэй'ном своими дарами – никто до сих пор не знает. Некоторые из них живут очень мало, некоторые – долго, бывает, дэй'ном рожают много детей, иные – ни одного. Странные и жестокие создания.

– Заклятые враги, – кивнула Хелит.

– Хуже. Когда ты увидишь дэй'ном, то сразу поймешь почему, – заверила Даугир далаттку. – Им плохо... с самими собой. Им нет покоя. Потому они и ненавидят всех.

«Психи», – усмехнулась мысленно Хелит. Ей совсем не хотелось сводить знакомство с беспокойными и коварными дэй'ном. Люди Полуночи видели в каждом униэн истинного врага, а Хелит была как раз униэн. Вернее, она оказалась униэн.

Еще один повод мучиться кошмарами. А если бы она стала дэй'ном? Что тогда? Или нэсс?

Ночью Хелит проснулась вся в липком поту. Ей приснилось, что у нее из лопаток растут огромные прозрачно-черные крылья, перепончатые, как у летучей мыши, и холодные.

«Боже мой, я забыла спросить, есть ли у дэй'ном крылья!» – ужаснулась она и накрылась одеялом с головой.

Но кошмар и не думал отступать. Теперь Хелит кралась по темному страшному лесу под деревьями-великанами, в кронах которых заблудились яркие звезды; совершенно голая, сжимая в каждой руке по большому деревянному кубку. И вот она, поляна, золотые чаши до краев полны, скорее набрать в каждый из кубков. Слепящий жгучий огонь, рядом тронутая корочкой льда вода и прозрачный душистый мед. Заманчивый, сладкий-пресладкий, как... Смерть.

Едва Мэй спровадил беженцев-нэсс и вернул на мизинец свое кольцо, как рога стражи опять запели в неурочный час.

Рыжий глазам не поверил.

– Здравствуй, младший братец! Добро пожаловать в Эр'Иррин, – рассмеялся Мэй и обнял Тайго.

Огненные ровные пряди смешались с каштановыми кудрями, когда братья соприкоснулись щеками. Младшенький пошел мастью в матушкину родню, в Кониганов. Та же широкая кость, тот же темперамент неумолимого охотника до приключений и развлечений.

– Приехал тебя провести, на дочку Оллеса посмотреть и развеяться. Не бойся, ненадолго.

– Только попробуй затащить в постель хоть одну из моих дам – убью на месте! – шепотом предупредил Мэй, не слишком-то доверяя аскетизму брата и благоразумию местных девушек.

Право слово, теперь хоть по ночам обходи все потайные уголки крепости с лампадой! И ведь непременно отыщется князь Тайго в объятиях какой-нибудь ласковой красавицы. Хотя... детей униэн лишними никогда не считали.

По такому случаю Мэйтианн закатил пир, невзирая на стенания эконома относительно незапланированных трат.

– В слепящем пламени весна,
В зеленом платье,
Толкнув тебя в блаженстве сна
В мои объятия...

– Спой, Рыжий... Ну что тебе стоит?! Ты же умеешь...

Покрытая золотистым лаком *эрхо* так и просится в руки. Хочет рыдать и смеяться на радость чувствительным девицам. Кто у нас главные ценительницы душещипательных баллад о великой любви? Они, конечно. «Спой, Рыжий!» Как раньше, когда Отступник еще отзывался на Веселого Мэя и никогда не отказывал девушкам в маленьких невинных просьбах. Но то раньше, а сейчас – и хотел бы, да не получится. Ни петь, ни играть, ни слагать вирши, ни резать по дереву, ни тем более плести сложные заклинания и творить волшебные вещи.

Но не портить же людям праздник только оттого, что они живы и счастливы, а ты – мертвая заводная кукла, только и умеющая, что мечом рубить?

– Не сегодня, не сегодня... – весело отмахнулся он, поднимая повыше кубок с вином, к которому едва притронулся.

На губах остался до боли знакомый сладкий привкус. Лозу, выросшую на южных склонах холмов Тир-Галана, Мэй мог узнать из тысячи. Сэнхан сделал царский подарок, но пить его чревато. По крайней мере, чашами.

Мэй еще раз вдохнул роскошный букет галанского вина и решительно отставил в сторону кубок.

Поздно. Память – хитрая попрошайка... Стоит чуть приоткрыть двери разума в ответ на ее настойчивый стук, как она тут же попросит водички попить, а там и до ночевки дело дойдет. Разве не так? Холмы Тир-Галана, виноградники, шустрые ящери-гекко, живущие среди листьев, стройные девичьи ножки давилыщиц, осенние праздники «Первой Чаши» – чего только не хранилось в дорожной суме Мэевой памяти-побирушки. В шею ее гнать, мерзавку, в шею!

Как ни рад был Рыжий своему младшему брату, визит Тайго стал для него сюрпризом скорее неприятным, чем желанным. В Эр'Иррин набилось чересчур много народу, на его скромный вкус. Такое впечатление, что все сговорились не читать его писем и не внимать настоящим просьбам. Сначала далаттцы во главе с неугомонным маддом Хефейдом, затем Тайго. И добро бы еще сам, а то ведь умудрился притащить из Лот-Алхави своего приятеля, от которого за *л'эсс* несло колдовством. Вот и спасай потом романтических доверчивых девиц. Мэй начинал искренне жалеть, что связался с леди Хелит. Самое время устроить инспекцию всех крепостей и застав на границе, а не торчать в Эр'Иррине, изображая гостеприимного хозяина, доброго брата; вспоминать, в конце концов. Причем именно то, о чем лучше забыть.

«От вас одни неприятности, леди Хелит. И головная боль», – раздраженно подумал Мэй, бросая недобрый взгляд на девушку.

Чем пристальнее и дольше наблюдал за далатткой Рыжий, тем очевиднее становилась разница между нею и другими униэн. И дело вовсе не в потерянной памяти. Житейский, обыденный опыт у Хелит коренным образом отличался от такого же опыта любой другой женщины.

Она умела шить иголкой и даже сшила некий предмет дамского облачения, о котором постеснялась рассказать Даугир. И вместе с тем со скрытым удивлением рассматривала ткацкий станок, точно впервые его видела. Пусть робко, но несколько раз просилась примерить мужскую одежду, дескать, в штанах удобнее на лошади ездить. При этом девушка отчаянно путалась в подоле собственного платья. А еще леди Хелит разом позабыла любое женское рукоделие, зато писала и считала так ловко, как способен далеко не каждый из советников Верховного короля. Подозрения Мэя крепили день ото дня, постепенно превращаясь из догадок в доказательства... И тут появился Тайго.

Рыжий, как бы между прочим, покосился на брата, любезничающего одновременно с Касси и Гвилен. Не похоже, что он жаждет близко познакомиться с девушкой, которую ему недавно прочили в невесты. Хелит великодушно развлекал Дайнар, обучая игре в «Ангелов и Демонов». Танцевать она наотрез отказывалась. Потому что не умела. В том Рыжий готов был с кем угодно биться об заклад.

Тайгерн – мужчина красивый и видный, но Хелит, против всех ожиданий, вела себя с ним более чем сдержанно, и показалась тому холодной гордячкой, до сих пор не сумевшей узнать свою истинную цену. Мысленно Мэй восторгался ее выдержкой и хладнокровием. Когда Тайго захочет, он может очаровать птицу на ветке и заставить ее петь. Далаттка с легкостью сохраняла на лице маску невозмутимости, улыбалась одними губами и цедила что-то нейтрально-любезное там, где любая другая девушка млела бы от восхищения.

Потому и ретировался уязвленный братец к более ласковым девушкам зализывать душевные раны. Он-то изо всех сил старался понравиться.

Столичный чародей, напротив, вел себя, как обычный шпион, и даже не пытался скрывать своих целей. А действительно, чего стыдиться-то в доме Отступника? И его заманила в Эр'Иррин прекрасная леди Хелит, столь неожиданно для всех погибшая и воскресшая из мертвых. Достоянейший в'етт Рэвинд обломался на своих же приемчиках, когда девушка пропустила мимо ушей все его тончайшие, лот-алхавской выделки, намеки. Мэй хотел объяснить ему, что она попросту ничего не поняла, да передумал. Пусть человек помучается – доставит Отступнику такое скромное удовольствие. Знакомо ли Верховному Королю пророчество одной из Читающих или визит мага всего лишь совпадение, ни Мэю, ни Дайнару выяснить не удалось. Не похоже вроде бы...

– Здравицу! Пусть князь Мэйтианн'илли произнесет здравицу!

Придется пить галанское вино. Придется вспоминать.

– За нашу милую гостью! За прекрасную и стойкую леди Хелит! Долгие лета! – весело проорал Мэй на волне куража. – За девушку, из-за которой мы все собрались в Эр'Иррине!

Чтобы никто не думал, будто Рыжий пребывает в неведении и не замечает чужих подковерных игр.

– Поцелуй! Во славу Ито Дарительницы! Во славу!

Тайго не был бы собой, если бы не вернул «должок» с процентами. Брат злорадно щурился, отпивая вино мелкими глотками, его серые глаза сверкали озорством над краем серебряной чаши.

– Поцелуй!

– Леди Хелит! Даруйте поцелуй своему спасителю!

Она странно усмехнулась, отрицательно качая головой, но девушку настойчиво подтолкнули вперед, прямо к Мэю. Касси что-то ей шептала.

Ничего особенного в этом милом старинном обычае Рыжий не видел, как и все остальные гости и домочадцы, если бы на деле лично для него все не выглядело, словно к устам умирающего от жажды, злой шутки ради, поднесли пустую чашку.

Они с Хелит со звоном сомкнули свои кубки и, сделав по глотку, припали к устам друг друга.

Целовалась дева из Далатта прекрасно, со знанием дела и бóльшим, нежели положено невинной девушке, опытом в искусстве лобзаний. Или, Лойс побери, это не Мэй перецеловал в свое время несметное количество прекрасных дам.

– У-у-у! У-ау!

По залу прокатился восхищенный вздох, исполненный зависти. Оказывается, наш высеченный из камня, неприступный князь Мэйтианн умеет заставить трепетать девичьи сердца. Еще и как! Куда глаза раньше глядели? Да и леди Хелит хороша! Сказано: в темном озере демон прячется.

– Ну как? Проверил? Убедился?

Тайгерн замер на пороге опочивальни брата, застигнутый врасплох резким голосом. Свежей князь Отступник не жег. Сидел в компании нескольких кувшинов вина, подпирая тяжелую голову кулаком.

– Прости, Мэй, я не хотел...

Рыжий налил себе полный кубок вина и опрокинул его в себя целиком, словно ковш воды на жаре. Выпитого за вечер хватило бы, чтобы свалить под стол троих мужчин. Но Мэй оставался трезв, как ангайский первосвященник. Он терпеливо ждал наступления утра. Ложиться в кровать не имело смысла, все равно не спится. Лучше уж скрасить ожидание добрым вином, пускай даже пополам с недобрыми воспоминаниями...

– Я завидую леди Хелит. Она ничего не помнит. Мне бы так.

– Если ты думаешь, что я приехал по наущению Альмара, то ты ошибаешься, – тихо сказал Тайго.

– А Рэвинда зачем приволок?

Взгляд Рыжего прожигал насквозь. Совсем, как у отца, на которого Мэй походил не только и не столько красным оттенком волос. Остальным братьям порой становилось не по себе от такого сходства. Сумерки заложили глубокие морщины в углах его рта, резче очертили линии скул, превратив Рыжего в точную копию Финигаса. Такой знакомый звериный прищур... Такой знакомый...

– Лойс, до чего же ты похож на него! – охнул младший брат.

– Леди Хелит в таких случаях говорит: «Твойумать», – ухмыльнулся Мэй. – Не знаю, что это означает, но звучит здорово.

– Наверняка что-то нехорошее. Дело в ней?

– Во мне, Тайго. Только во мне.

– Я поступил недостойно...

– Словно посмеялся над калекой, отобрав костыль, чтоб заставить его попрыгать на одной ноге? – жестоко спросил Мэй, пристально вглядываясь в бледное лицо брата.

Тот дернулся, как от пощечины, но промолчал. Рыжий лишь высказал вслух то, о чем думал. В его положении простительно и понятно. Тайгерн набрался смелости и спросил:

– Как это? Как это – ничего не чувствовать, не любить, не творить, не ворожить?

– Как? Спроси слепца о прелести рассвета, попроси глухого спеть любимую песню, и мне нечего будет добавить к их словам. Я – мертв, Тайго. Но я сам сделал свой выбор и никого не виню.

– Это несправедливо... – эхом отозвался брат.

Мэй ополовинил еще один кубок и, судя по всему, собирался еще до рассвета прикончить Сэнханов подарок. Все равно, опьянение ему не грозило. Похмелье, кстати, тоже. Ну разве подремлет чуть-чуть. Учитывая, сколько времени его терзает бессонница, это пойдет лишь на пользу.

– Поди прочь, – ласково попросил Мэй. – Не мешай мне думать.

И мысленно добавил: «И общаться с призраками».

От запаха галанского вина можно сойти с ума и не почувствовать в себе никакой перемены. Еще один глоток...

Первым пришел отец. Элегантно-небрежно бросил подбитый мехом плащ на край стола, сел в кресло возле потухшего камина и протянул руки к давно остывшим углям. Он всегда так делал, когда входил в дом, но призракам нет нужды в тепле от живого огня.

– Весь Тир-Луниэн до сих пор считает, что это я тебя убил. Ты рад?

Разумеется, никто Мэю не ответил.

– Из наших знают только Тайго и Сэнхан. Забавно, верно? Остальные либо мертвы, либо предпочли верить в официальную версию. Как Идор. Наш семейный правдоискатель решил не докапываться до истины. Х-ха.

Что будет дальше, Мэй знал в мельчайших деталях. Сейчас Финигас окинет его таким пронзительным взглядом, что по хребту побегут мурашки. Вот! Уже побежали! Потом прищурится и скажет: «Решай, сын, прямо сейчас решай. Ты со мной?» А Мэйтианн скажет:

– Нет. Я – против!

Так оно и есть. Мэй не раскаялся, хоть прошло... Лойс подери, как же давно все это было. А будто вчера.

«Отступник!» – взорвется Финигас праведным гневом и обрушит кулак на столешницу. Только уже никто не прибежит на оглушительный звук. Слишком давно это было: и лишь у Рыжего по сей день стоит тот грохот в ушах.

Еще глоток галанского. Какое же оно сладкое, о Лойс!

Теперь на месте Финигаса Мэй видел Элану – свою благородную мать. Она куталась в сливового цвета широкую накидку и прятала в тени лицо.

– Я помню, что ты ничего не можешь изменить, – отмахнулся Рыжий. – Я не забыл. Ты могла ничего не объяснять, не надо травить сердце бессмысленным разговором. Я никого не простил, но тебя... тебя – да. Просто за то, что ты – моя мать. Хотя теперь я не помню, как это – любить родительницу.

– Милорд, я сама ничего точно не знаю...

– Что?!

Рыжий вскочил с кресла, уронив от неожиданности полупустой кубок на пол, безнадежно испортив снежно-белый пушистый ковер.

– Это – я. Простите.

Черты Элану расплылись перед глазами. Мэй часто заморгал и для верности даже потерял веки. Как он мог так обмануться? Как он мог перепутать золотисто-медовые звезды-очи матери с голубыми прозрачно-льдыстыми глазами девушки из Далатта, алые лепестки ее губ с бледным бутоном рта Хелит?

«Пришла за продолжением поцелуя», – цинично подумал князь Отступник, но придержал свой злой язык. Негоже так разговаривать с полноправной наследницей Оллеса.

– Чем могу быть полезен, леди Хелит?

– Я – не Хелит. Вы знаете, – сказала девушка и без страха посмотрела в глаза Мэю.

Прямо в по-отцовски прищуренные, жестокие, немного звериные зеницы. Звериные, ибо они полыхали изнутри почти так же, как у его черных страшных собак.

Рыжий знал. Лойс и все его демоны забирай! Конечно, знал. Когда оторвался от ее губ, горьковатых на вкус от райнхатского вина, он не сомневался, что целовал вовсе не Хелит из Далатта. Нет, не Хелит дочь Оллеса, а Ее. Ту. Другую.

– В моих небесах была одна луна. Только одна луна.

Называя ночное светило, девушка произнесла не «сайн», а чужое слово «луна».

«Значит, Оллесова хохотунья умерла, и не врал под пыткой нэсс-атаман, когда божился, что обдирал платье с покойницы», – окончательно решил Мэй.

– Кто же вы?

– Не знаю, – пожала плечами она и добавила: – Чужая.

Рыжий подошел ближе, присел на корточки перед девушкой, сжал в ладонях ее руки и заглянул в лицо. Холодное, прозрачное, серьезное, самую малость испуганное, но решительное.

– И что же ты хочешь от меня... Хелит?

– Ничего. Защиты. Помощи.

– Логично, – усмехнулся Мэй. – А почему именно я?

– Почему? Вы тоже... чужой. Я поняла сегодня.

Впервые за долгие годы Мэй испугался. Пусть это был не подлинный испуг, а лишь тень настоящего чувства, но все же он снова ощутил предательскую дрожь внутри. Ту самую, которая впервые посетила его на озере, когда Сэнхан подговорил прыгать с причала вниз головой.

Никто, кроме Дайнара и братьев, не знал, чем расплатился Мэйтианн за победу в Мор-Хъерике, никто не догадывался. Настолько удачно Отступнику удавалось изображать из себя прежнего Рыжего Мэя. Он умел смеяться шуткам, достоверно бледнел, имитируя приступ гнева, даже спал с нежеланными и нелюбимыми женщинами. И никто никогда... А она... Как же так?

– Как? – только и смог выдавить из себя Рыжий.

Как? Хо-о-о-ороший вопрос.

Наверное, если всю жизнь пить вино, то единственный глоток молока перевернет мир вкуса. И дело даже не в том, что нэсс оказались иными, так существенно отличающимися от униэн, а в том, что Хелит настолько остро почувствовала это отличие. Будто увидела через стену, словно прозрела грядущее. Абсолютно чуждый опыт сбил ее с толку, смешал чувства и мысли. Случилось нечто необъяснимое, выбившее из-под ног почву. Столь трепетно лелеемое душевное равновесие, которое девушка хранила пуще всякого сокровища, разрушилось в одночасье. Мир снова качнулся, как раз в тот момент, когда Хелит начала понемногу обретать уверенность в себе.

Точно так же, как Гвилен мелкими гвоздиками прибавала основу будущего гобелена к рамке, так и Хелит закрепляла ткань своей новой жизни мелкими достижениями, событиями и фактами. «Гвоздик» – имя, еще один «гвоздик» – венец владычицы Далатта, следующий – крепнущая дружба с девушками Эр'Иррина и симпатия лорда Дайнара. Появились люди, которые в нее верили, доверяли ей свои мысли и жизни, почитали госпожой. Эдакие тоненькие ниточки, накрепко связывающие Хелит с этим миром.

И даже нэсс тут ни при чем. Хелит стала «чувствовать» остальных униэн. Не сразу, не всех и не всегда, но эта пугающая способность с каждым днем усиливалась.

Осторожно расспросив Даугир, девушка узнала, что ничего удивительного тут нет. Вечное клеймо принадлежности к одному из четырех народов на каждом из живущих не скрыть одеждами и не затуманить чарами. Как женщине не спрятаться в толпе мужчин, так нэсс никогда не сможет притвориться, скажем, ангай.

Каждый находит свои сравнения, каждый видит свое – наиболее созвучное его душе, решила Хелит.

– А как ты «чувствуешь» нэсс? – спросила она у Касси.

– У них тень другая, – отмахнулась та.

– Какая же тень у меня?

– Наша. Такая же, как у Даугир или Хельха.

Хелит благоразумно промолчала.

Нэсс – они... схожи с деревьями... с чем-то растущим, сильным и полным скрытых соков. Униэн... текущие, струящиеся, изменчивые. Точно реки из сплетенных меж собой потоков силы и жизни. Но если душа воеводы Хефейда подобна могучей равнинной реке, то лорд Дай-

нар – искрящийся водопад. Себя же Хелит мнила затерянным в дремучем лесу озером. Без дна. Или лучше сказать – бездна?

А Мэй, закрытый и непроницаемый в любой час дня и ночи, оказался высохшим руслом, каньоном, по дну которого струился тоненький ручеек.

Поцелуй... глупость какая... не слишком удачная шутка не в меру расшалившихся, подвыпивших униэн, но Мэйтианн на миг открылся. Искалеченная душа. Тот, кто сможет понять и... поверить.

Лечь спать Хелит не смогла, мерила шагами комнату – двадцать в длину, дюжину в ширину, куталась в подаренную Тайгерном накидку. Густой оттенок спелой сливы, тонкая шерсть, сложнейшее плетение – царский презент.

Она колебалась, несколько раз подходя к дверям Рыжего и поворачивая обратно.

У стража охранявшего коридор глаза стали круглыми-круглыми. Такого ему еще видеть не приходилось – бормочущую себе под нос девицу, наматывающую круги вокруг входа в покои князя. Полоумная, не иначе.

«Что же я ему скажу? Как? Поверит ли? Захочет ли поверить?»

Кто скажет, кого она обретет в Рыжем – друга ли, врага? Защитника или гонителя?

– Я вижу Тайгерна. Он – полноводный приток. А ты, князь...

– Не надо! – взмолился Мэй. – Не говори никому. Кем бы ты ни была.

– Я и так не знаю, кто я есть.

– Ты – униэн. Мне этого достаточно, – сурово молвил Рыжий.

С той поры, когда Дайнар и другие последовали за Мэем в изгнание, когда они присягнули Отступнику, никто не решился доверить ему свою судьбу и тайну. Кроме Хелит.

Он хотел сказать что-то ободряющее, но не успел.

– Милорд! Скорее! Гонец из Двуречья!

Если Ллотас что и подумал лишнее, увидев леди Хелит в покоях князя, то сделал вид, будто не заметил, и тем более ничего не сказал.

Следом за ним в комнату вбежал юноша с залитым кровью лицом и пал на колени, роняя на ковер свой помятый, пробитый в двух местах шлем.

– Мой господин, дэй'ном напали ночью! Нужна подмога. Срочно! Их там сотни!

– Хельх! Кольчугу! Твойумать! – крикнул Мэй, мгновенно забывая о своем душевном «увечье», о признании Хелит и о самом себе.

Раз уж ему осталась только вечная война, то пусть хотя бы битва приносит утешение.

Пристегивая ножны с мечом к поясу, Мэй едва не застонал от нахлынувшего горячей волной предвкушения. Так иной мужчина томится от желания соединиться с возлюбленной на широком ложе любви. До крови вгрызаясь зубами в губы, дрожа всем нутром...

Лойс! Наконец-то он утолит свою жажду. Жажду вершить, творить и чувствовать.

Как пылает иссохшее горло. Нестерпимо! Скорее!

– Скорее! Скорее!

К той единственной, которая не отреклась и не отвернулась. Война – лучшая из возлюбленных. Она всегда ему верна.

Глава 4

Долг платежом...

Даэмли

Вид дотла сожженных хуторов и безлюдных разоренных ферм вдоль Бобрового ручья опечалил Мэя несказанно. Но зрелище растерзанных женских тел, обезглавленных трупов мужчин, мертвых детей привело Рыжего в неистовую ярость. Дэй'ном пришли на его землю не грабить. Они явились убивать людей, уничтожать все на своем пути, сея ужас. Давно уже извечные враги не осмеливались осадить Двуречанскую заставу, а тут вдруг проявили недюжинную настойчивость и прыть. А ведь еще до настоящего тепла далеко.

Свет поднимающегося над горизонтом светила застил черный жирный дым. Дэй'ном жгли сырую нефть, пытаясь удушить защитников крепости. Едкие клубы дыма ели глаза, мешая лучникам точно целиться. Не говоря уж об отравленном воздухе, проникающем в легкие. Но для Рыжего и его воинов хитрости врагов оказались не внове. Недаром, выступая из Эр'Иррина, он приказал каждому взять с собой платок или шарф. Ткань смочили водой и прикрыли рот.

«Хорошо, что Хефейд с нами, – зло думал он. – Далаттцам не помешает вспомнить, что такое добрая драка».

Иногда ему становилось обидно за своих людей, которые лили кровь без всякой надежды на признание заслуг перед собственным народом и всем Тир-Луниэном. А с другой стороны, воевода Хефейд в бою один стоит десятерых.

Мэй молча взмахнул рукой, направляя своих воинов в атаку. Нет ничего лучше, чем застать врагов врасплох, ударить им в спину в самый неподходящий момент. Он пришпорил Сванни, держась возле знаменосца.

Всадники униэн во главе с Рыжим врезались в толпу осаждавших. Почти не глядя, Мэй рубанул по бледному лицу темноволосого дэй'ном. Прямо по раскрытому для отчаянного крика рту. В разные стороны брызнули кровь и зубы. Замысловато кувыряясь, отлетела прочь чья-то рука, сверкая на солнце кровавым рубином перстня.

– Ун-и-и-иэн-н-н! Бей! Руби! Унии-и-и-иэн-н-н! А-а-а-а!

По правде говоря, среди них были не одни лишь униэн. По пути на заставах Мэй собрал всех – и нэсс, и ангай. Но и те и другие, присягнув Рыжему князю, орали во всю глотку древний клич народа своего повелителя.

Со стен Двуречья вопль подхватили радостные защитники, уже не чаявшие получить подмогу.

Сеча, приключившаяся под стенами крепости, если и отличалась от сотен предыдущих сражений в приграничье, то лишь отчаянным сопротивлением дэй'ном. Краем сознания Мэй успел оценить, что для традиционного грабительского рейда по приграничью отряд дэй'ном слишком велик. Не менее трех сотен клинков. Да-да, полные три сотни Желтых Повязок.

Мэй давно мечтал схлестнуться с хан'гором – сотником Желтых. Не просто помериться силами в ратном деле, но снова опробовать новый финт, подсмотренный у одного из старых мастеров клинка. Хан'гор не заставил себя ждать, словно услышал мысленный призыв Рыжего. Едва управившись с двумя нападающими противниками, Мэй оказался лицом к лицу с высоким дэй'ном в вороненой кирасе. Пышный плюмаж из конского волоса – отличительная черта сотника – не дал ошибиться. Темные, почти черные глаза хан'гора полыхнули безумным огнем.

– Умри, рыжая тварь! – взревел дэй'ном, вонзая шпоры в бока своей лошади.

Они сшиблись с грохотом, осыпая друг друга ударами, рыча и задыхаясь от ненависти. Длинный меч Рыжего высекал искры из вражьего нагрудника. Сванни храпела и норовила укунить гнедую хан'гора за холку. А вокруг кипел бой, униэн прикрывали своего князя со всех сторон, не давая никому приблизиться с тыла. Кто-то падал под копыта гарцующих коней, кто-то захлебывался кровью.

– Смерть! Смерть! За мной! Руби! – надрывно кричал где-то недалеко Хефейд.

Униэн подхватили его вопль.

– Смерть!

Мэй блокировал мощный удар сотника, принимая его на гарду. Мечи яростно заскрежатали друг о друга, искря крошечными голубыми сполохами. В какой-то миг воины буквально столкнулись нос к носу. Хан'гор попытался пырнуть Рыжего в бок кинжалом. Не тут-то было. Рыжий сам когда-то сделал эту кольчугу, вложив в ее хитрое мелкое плетение все мастерство, каким обладал.

– Скользящая мразь, – прошипел сквозь зубы дэй'ном, имея в виду не только удивительные свойства кольчуги. – Я тебе кишки выпущу!

– Размечтался...

Клинок Мэя с жутким хрустом врезался врагу чуть выше ключицы, разом покончив с недолгим спором. Рыжего окатило горячей пряной кровью из разрубленной артерии. Целый миг он ничего не видел. Но и этого мгновения хватило, чтобы пропустить удар чем-то твердым по колену. Не будь Сванни такой умной и тренированной – лететь бы Мэю на землю. Он сразу же перестал чувствовать ногу.

Нога, слава Богам, оказалась на месте. Наколенник спас.

– Милорд, что с вами? – встревожился Хельх, не отходивший ни на шаг от своего господина во время боя.

– Ничего, – выдохнул Мэй. – Вперед!

К Лойсу боль! К Лойсу!

Пленных униэн не брали, дорезав раненых. Дэй'ном не молили о пощаде. Те, кто отправлялся в разбойничий набег, знали на что шли. Когда война объявлена с соблюдением всех традиций, тогда – да, все, как положено: плен, выкуп, обмен. Впрочем, так выходило далеко не всегда. В Войне Северных Народов никто никого не щадил, никто не обменивался пленными, являя миру ужасы чудовищных пыток и массовых казней. Дэй'ном по этой части превзошли всех, но и первые запросили пощады. Помнится, тогда обезумевший после резни в Дон-Аэгли Мэй приказал вешать по одному дэй'ном через каждую дюжину шагов до самого Лот-Алхави. Она до сих пор зовется Дорогой Висельников. Полуразрушенная Аэгли, по улицам которой текли настоящие реки крови, стояла перед глазами Рыжего. Он жаждал мести так неистово, что заставил содрогнуться даже своих соратников. Тех пленников, кто дошел до столицы, закопали в землю живьем. Несколько лет по всему Тир-Луниэну ходили упорные слухи об одержимости Мэйтианна'илли.

Сейчас все обошлось огромным костром, в который бросали трупы. Остатки сырой нефти для этого дела пришлось весьма кстати.

– Пусть там, за горами, увидят дым, – наказал Мэй.

Он едва держался в седле, в колене пульсировала боль, но Рыжий был абсолютно, целиком и полностью счастлив. Ненависть – всего лишь изнанка любви, а гнев – обратная сторона радости. Если нет возможности носить яркое платье, то и линиялая подкладка сойдет.

Тайгерн остался в Эр'Иррине против воли. Мэй мог считаться тысячу раз Отступником, и все права на Тир-Галан давно перешли Сэнхану, но формально Рыжий оставался старшим мужчиной в семье. Его слово – закон, который не обсуждается. Воинственность сыновей Финигаса вошла в поговорку, в других обстоятельствах Тайго никогда не отказался бы помахать

мечом. Но Мэй оставил на него замок, доверил свою цитадель, жизни женщин, арсенал, в конце концов. Это ведь что-то да значит?

Рыжий попросил: «Не подведи меня, брат!» – а он просил крайне редко. В последний раз он обращался с просьбой лишь к королю Альмару. Эта сцена навсегда запечатлелась в памяти Тайгерна. Буквально выросла в сознание.

...Меловое лицо короля, его серые губы, сжатые в нитку, и окровавленные руки, в которые Мэй вложил Крыло – свой прекрасный меч. Коленопреклоненный Рыжий резким движением обнажил шею, открывая ее для вероятного удара. Красные волосы полностью закрыли лицо. Сколько благородных унижен испытывали в эту минуту острейшее желание со всего маху рубануть по незащищенному затылку? Не пересчитать.

– Владыка, если считаешь, что я виновен – руби! – отчеканил Мэй, прежде чем опуститься на колени. – Только тебе дано право судить. Только тебе. Но не лордам-советникам.

Альмар знал, что внушительная часть дворянства требует крови Рыжего, также он знал, что Мэй не взойдет на эшафот. Он поднимет мятеж, и за ним пойдут очень многие. Сила десяти лордов-советников против силы старшего сына Финигаса – вот дилемма так дилемма. Король до крови разрезал ладони, сжимая лезвие меча, пока решал ее.

– Встань, Мэй Отступник! Я не вижу твоей вины, – молвил Альмар, уронив Крыло на мраморные плиты пола.

Только не надо думать, будто Верховный Король забыл Рыжему эту историю. Такое не забывается...

Пока Тайгерн вживался в роль временного хранителя Эр'Иррина, женщины готовились встретить раненых и позаботиться о них. Даугир извлекла из шкатулки хирургические инструменты: ланцеты всех видов, кривые иглы, распаторы.

– Красота! – похвалилась она. – Даже у столичных лекарей такого нет. Мэй специально заказывал у ангайских мастеров в Нунне.

– Острые, – подтвердила Хелит, тут же порезав палец о лезвие. – Надо их сварить.

– Тебе бы все варить, – рассмеялась Гвилен.

– Так надо! – настаивала далаттка. – Подержи их в кипятке. Тогда раны не воспалятся.

Над пристрастием Хелит к вареной воде потихоньку смеялась вся дворня, почитая ее требования причудой не совсем здорового ума. Но Хелит упорно отказывалась пить не перекипяченную воду и настоятельно просила девушек следовать ее странной привычке.

– Может быть, раненых тоже сразу сварить?

– Глупости говоришь, – обиделась Хелит. – Я точно знаю.

– Откуда?

– Не помню.

Девушки препирались до тех пор, пока в их спор не вмешался Гвифин. Ведун внимательно выслушал обе стороны, подозрительно окинул пристальным взором далаттку и забрал ее с собой. Он занимал просторное помещение в одной из башен, там же столовался и хранил все свои целебные травы и снадобья, ведя весьма уединенный образ жизни.

Хелит давно хотелось поглядеть на обитель ведуна, который не жаждал пускать к себе посторонних.

Хорошо выделанная коровья шкура на полу заменяла ковер, ложе было застелено пестрым покрывалом, а несколько стоящих в ряд блюдец с молоком выдавали в хозяине главного покровителя замковых кошек. В большой клетке с жердочки на жердочку перепрыгивала серая птица с одним крылом. Какой она породы, Хелит не знала, а вот в живом пушистом «шаре» с огромными оранжевыми глазами сразу угадала сову.

– Будешь мне помогать, девочка, – сказал Гвифин, вручая Хелит ложку с длинной-предлинной ручкой. – Раз ты у нас такая умная.

– А что я должна делать?

– Мешать в котле, – буркнул ведун, влезая на стремянку, чтоб достать с высокой полки небольшой бочонок.

– Что это?

– Мокруница. Шибко быстро останавливает кровь.

Скоро мастерская Гвифина утопала в слоистых парах, пахнущих дурманящими травами, в котелке из черной бронзы весело булькало густое зелье бурого цвета, которое Хелит без устали мешала. Ведун утверждал, что его снадобье способно всего за несколько дней вернуть в строй раненого воина, при условии, что не повреждена брюшная полость. На этот случай он пообещал приготовить более сильное средство.

– Я давно хочу тебе спросить...

– О чем?

– О вареной воде, – немного смутился Гвифин.

– Девушки смеются...

Но ведун перебил Хелит на полуслове.

– Я не буду смеяться. Мне хочется услышать твоё объяснение.

Проблема Хелит как раз состояла в том, что понятия, хранившиеся в её голове, не имели названий на языке униэн. Но она попыталась.

– В простой воде живут мелкие твари, которые вызывают болезни. Они такие мелкие, что не заметны глазу. Но если воду сварить... некоторое время дать ей покипеть, то...

– Мелкие твари умрут, верно? – подхватил Гвифин.

– Да! – обрадовалась Хелит. – Именно так я объясняла Фэст. Но она только смеялась. Не верила.

Ведун в задумчивости почесал макушку, искоса поглядывая на девушку. А потом полез в глубины здорового кованого сундука, где хранил книги и свитки.

– О болезнетворных невидимках, – прочитал он надпись на боку круглого пенала со свитком. – Поулл Алый из Лаэг-Балл написал этот трактат 117 лет назад. Над ним тоже смеялись. Ты, наверное, читала его в библиотеке своего отца.

– Наверное... – неуверенно пробормотала Хелит и отвела глаза.

Рассказывать Гвифину о том, что эти знания приобретены каким-то иным путем, она не торопилась.

– Оллес потратил немало средств и сил на твоё образование, леди, и может гордиться своей наследницей, – торжественно заявил ведун. – Ты ныне одна из самых ученых женщин в Приграничье. А может быть, и во всем Тир-Луниэне.

Хелит мысленно хмыкнула. Фрэй Гвифин – умный и очень подозрительный дядька, которого на мякине не проведешь. Если суровый Дайнар растаял от её демонстративной серьезности, которую тот почитал за первейшую женскую добродетель, то ведун ни на миг не ослабил своего внимания, продолжая высматривать в ней знаки одержимости. И, по большому счету, Хелит не могла с ним не согласиться.

– Думаю, лорд Оллес знал, что делал. Из тебя выйдет прекрасная владелица. Главное, не торопись с замужеством. Это всегда успеется, – рассуждал вслух фрэй, растирая в порошок кусок черного корня. – Я никогда не одобрял скоропалительности многих супружеств. К чему торопиться? Чтобы потом страдать от охлаждения чувств? Прельстившись красивым лицом или же великолепной фигурой, можно упустить из виду разность характеров. А потом будет поздно.

– Я не собираюсь замуж, – заверила его Хелит.

И добавила про себя: «Мне бы с собой разобраться да приноровиться ко всем произошедшим переменам. А муж – дело десятое. Нет, даже двадцатое». Странно, но мысль о замужестве её даже не посещала, а статус «уан» – незамужней – устраивал во всех отношениях.

– Ежели закружится голова, сразу говори, – предупредил Гвифин, высыпая угольно-черный порошок в котел.

Запах, разлившийся по обители колдуна, сначала показался Хелит приторно-сладким, ванильным, затем она уловила в нем имбирные нотки, но никакого головокружения не чувствовала.

Продолжая неспешно мешать ароматное варево, девушка и не заметила, как мысли стали какими-то медленными, ленивыми, уподобившись снулым рыбинам в мутной застойной воде.

«Какой еще муж... хватит с меня мужей... сколько можно?... Мужчины... хмм... Мадд Хефейд присягнул... сказал, что защитит... Мэй тоже... рыжий безумный князь... сожженная душа... В каком огне?... За что?... Господи, я совсем одна в этом дыму...»

Хелит внимательно вгляделась в темную бурлящую поверхность варева. От снадобья отчетливо пахло нефтью и чем-то еще более омерзительным. Дым, черный и липкий, поднимался над котлом, душил ее, заполняя легкие.

– Хелит! Хелит!

Гвифин волоком вытащил ее на свежий воздух.

– Я же предупреждал! Глупая девчонка!

Глаза девушки остекленели, она продолжала смотреть сквозь ведуна.

– Мэй! Надо возвращаться! Срочно! – хрипло просипела она и закашлялась.

Ведун хотел спросить о посетившем ее видении, но голос заглушил протяжный рев рогов. На Эр'Иррин напали враги.

К счастью для униэн, лазутчиков, прячущихся в урочище неподалеку, заметил разъезд. Три пограничника приняли неравный бой и погибли, а четвертый – юноша по имени Квиннлер – успел доскакать в крепость с двумя стрелами в груди и предупредить Тайгерна. Подъемный мост тотчас подняли, а когда эр'ирринцы увидели численность вражеского отряда, то сразу стали заряжать катапульты, под котлами со смолой развели огонь, а лучники заняли свои места на стене. Это был не отряд, а целое войско.

– Лойс меня раздери! – прошипел Тайго, выглядывая в бойницу. – Дело серьезно.

– Дэй'ном снова объявили войну? – спросил Гвифин.

– Я ничего не понимаю.

Альдер, родившийся и выросший в Приграничье, не мог припомнить случая, чтобы дэй'ном вели себя настолько отчаянно и нагло. Штурмовать Эр'Иррин в лоб – полный идиотизм, ибо бессмысленно. Крепость построена на высоком каменистом холме и с трех сторон абсолютно неприступна. Она всегда оставалась костью в горле у дэй'ном и других завоевателей.

– Зовите лорда Рэвинда. Что-то мне все это не нравится, – посоветовал Альдер.

Гвифин целиком и полностью разделял его мнение. Окрашенные человеческой кровью хоругви над колонной марширующих воинов не сулили ничего хорошего. Своих колдунов дэй'ном отправляли в бой крайне редко. Только в исключительных случаях. Кто знает, устоит ли крепость против Возжигателей?

– Нас обманули, – догадался Тайгерн. – Нападение на Двуречанскую заставу – отвлекающий маневр, а главная цель – Эр'Иррин.

– Кто же мог предположить... – сказал Альдер.

Рэвинд поспешно собирал дальнозорную трубу, чтобы лучше разглядеть руны на хоругвах.

Дэй'ном остановились вне досягаемости для эр'ирринских стрелков, торжественно, почти парадно сомкнув щиты. Ветер относил в сторону звук голосов, не давая расслышать и разобрать смысл отдаваемых команд. Но в результате несложного перестроения образовался широкий коридор из щитов, по которому медленно ехала всадница.

– Тэном Всевидящий!

Миндалевидные глаза столичного мага полезли на лоб.

– С ними Йагра'су² – Водительница Мертвых, – убитым голосом сказал он.

Вся в зеленом, с лицом, закрытым серебряной маской, Водительница выехала вперед. Говорили, что будущих Йагра'су ослепляют в раннем детстве, но доподлинно подробностей посвящения никто не знал. Дэй'ном трепетно хранили тайны своего смертоносного чародейства.

– По крайней мере, Мэй останется жив, – обреченно вздохнул ведун.

Смерть его уже не страшила. Есть вещи и хуже.

Водительница запела.

– Сделай что-нибудь, Рэвинд! Сделай! – крикнул из последних сил Тайгерн.

У Даугир вдруг подломились колени, и она молча рухнула посередине двора, выронив сверток, который несла. Бинты веселыми мячиками раскатились в разные стороны. За ней последовал светловолосый воин-мечник, потом еще один.

Хелит оглянулась и увидела, как валится навзничь брат князя, а рядом с ним исходит кровью его столичный приятель. Лорд Рэвинд хрипел, словно его душили. А остальные... Казалось, они внезапно провалились в глубокий сон. Лучники уронили свое оружие, оседая возле амбразур. Со звоном падали на камень мечи и щиты из ослабевших рук.

– Даугир! Фэст! Гвилен!

Хелит попыталась растормошить бесчувственных девушек. Тщетно. Они крепко спали и не реагировали даже на пощечины.

– Очнитесь! Даугир! – кричала далаттка.

Тем временем внутри крепости не осталось ни единого бодрствующего человека. Кроме Хелит. Она взбежала на стену и через бойницу увидела стройные ряды воинов в шлемах с разноцветными плюмажами, сжимающих круглые щиты. Отряд вела за собой одинокая поющая всадница. Даже если бы девушке никто словечком не обмолвился, что эти люди и есть дэй'ном, она бы все поняла сама. Клубящаяся сизая мгла была сутью каждого из них, переплетение противоречивых наклонностей и страстей, невероятной силы и чудовищной слабости, непредсказуемости и предопределенности. Потрясенная до глубины души Хелит дрожала всем телом, как листочек на ветру.

Переливчатое облако колыхалось над войском дэй'ном. Возможно, то была обычная пыль, поднятая сапогами, но Хелит казалось, что она видит зыбкие тени невидимых крыльев за спинами этих странных существ. Ох, неспроста название дэй'ном так созвучно слову «демон»!

Лошадь под всадницей в зеленом ступала медленно-медленно, так же неспешно следом двигались воины-дэй'ном. Они никуда не торопились. Звуки, которые издавала певица в зеленых одеждах и блестящей маске, с трудом можно было назвать мелодичными. Не было в ее песне ни ритма, ни какого-то определенного мотива. Так кричат смертельно перепуганные птицы.

Хелит отчаянно и тщетно трясла за грудки по очереди Тайгерна и Альдера. Тогда она метнулась к ближайшему лучнику, подобрала его лук и попыталась выстрелить в верещащую дэй'ном, неумолимо приближающуюся к стенам. Не тут-то было. Девушка не смогла даже как следует натянуть тетиву, которая пребольно стукнула ее по внутренней стороне локтя.

– Черт... черт... черт... – скулила она. – Что же делать?! Господи, что же будет?!

Дэй'ном внушали ей запредельный ужас. Стоило только глянуть на певучую колдунью, и дыбом поднималась каждая волосинка на теле. Прятаться от такой твари бесполезно. После неудачи с луком, мысль отмахаться мечом Хелит отбросила как изначально бесполезную. Разве что дэй'ном, увидев ее с мечом, сами сдохнут со смеху. Оставалось только сигануть со стены

² Йагра'су – магичка, зачаровывающая своим голосом, способная творить живых мертвецов – зомби.

вниз головой, чтоб не даваться им живой. Смерть от рук дэй'ном, по утверждению эр'ирринцев, бывает только одной разновидности – долгой и мучительной.

«Так и помрешь от чужой руки, ничего путного о себе не узнав», – подумалось Хелит.

Она в самом деле готова была покончить с собой, но внезапно ее взгляд остановился на большом набатном колоколе. Хелит никогда не слышала, чтоб в него звонили, но все же понадеялась на удачу. А вдруг получится? Девушка метнулась к нему, что есть сил потянула за веревку, раскачивая тяжелый язык толщиной с мужскую руку. Первый удар получился слабым, второй – гораздо сильнее, и дальше Хелит уже при всем желании не могла остановиться. Особенно после того, как увидела, что спящие люди начинают понемногу шевелиться. Голосистая медь пробуждала их к жизни.

А Хелит звонила, звонила и звонила, сдирая до мяса ладони о жесткую веревку. Низкий голос тревожного набата гремел над Эр'Иррином, пробуждая его защитников и разрушая наведенные чары.

Бом! Бом! Бам! Бам-м-м-м-м!

Как назло, в крепости не нашлось ни лавки, ни табурета, чтоб Рыжий мог присесть и тем самым облегчить свои страдания. Какая уж тут сосредоточенность, скажите на милость, когда кровь еще кипит после боя, зверски дергает боль в поврежденном колене, а в голове гудит, как в кузнечном горне?

– Так откуда, говоришь, они пришли? – решил уточнить Мэй у следопыта Двуречанского гарнизона, склоняясь над картой.

К слову сказать, карта великолепная: подробнейшая и выполнена мастерски. Любо-дорого посмотреть. Надо будет заставить скопировать себе такую же.

– Со стороны Белых Скал, милорд.

– Ты уверен?

– Честью клянусь! Я своим глазам не поверил, – твердил парень.

«Белые Скалы... Белые Скалы... – терялся в догадках Рыжий князь. – Нелогично. Зачем делать изрядный крюк, если можно спуститься вдоль пустошей?»

Он прикинул и так, и эдак, пытаясь вычислить потаенный умысел дэй'ном. Ну не на Эр'Иррин же они нацелились? Потер виски, пытаясь избавиться от навязчивого звона в ушах. Словно рядом бьют колокола... Колокола?

– Ты тоже слышишь их, Вранн?

– Кого? – не понял следопыт.

– Колокола...

Бом! Бом! Бам! Бам-м-м-м-м!

– Тихо. Ничего не слышу... Милорд! Что с вами?

Кап-кап-кап!

Кровь из носа капала на карту частым дождиком. Мэй скорее зажал ноздри. Какая досадная неприятность! Голова гудела. Что происходит?

В голове по-прежнему звенел колокол. Пронзительно, отчаянно, тревожно. Он звал на помощь, молил, давясь безысходностью и ужасом. И это был колокол Эр'Иррина.

Ну никак не мог услышать Мэйтианн его призыв. Даже самый сильный ветер не смог бы донести колокольный звон в такую даль. И тем не менее...

«Мэй! Спаси нас! Помогите! Мэй!» – взывал набат голосом Хелит из Далатта.

Казалось, что от яростного вопля изданного надорванной глоткой Рыжего треснет небесный свод. А может быть, он и в самом деле треснул в тот день. Кто знает?

Мэй вложил столько сил, чтобы отстроить свою цитадель, укрепить защитные рубежи, сделать крепость неприступной твердыней всего Приграничья. Эр'Иррин не мог пасть. О его стены расшибались целые армии и ломали зубы лучшие полководцы дэй'ном.

Тогда почему так отчаянно зовет на помощь звонкая медь, разбиваясь тысячей отголосков внутри черепа? Почему заходится от жуткого предчувствия сердце?

«Беда, дурак! Вот что случилось!» – сказал себе Мэй.

Откуда только взялись силы, чтобы пришпоривать мчащуюся галопом Сванни? Куда подевались боль и усталость?

– Стреляйте в гадов! Стреляйте! – подбадривала Хелит лучников, хотя в том уже не было ни малейшей необходимости.

Даже убедившись, что большинство защитников очнулись и пришли в себя, она продолжала на всякий случай звонить в колокол. Вдруг их опять заколдует жуткая песня дэй'ном?

Подгонять лишний раз никого не требовалось. Первую атаку эр'ирринцы кое-как отбили, не дав дэй'ном приблизиться к стенам крепости. Спасенные от чар лучники с перепугу наполнили воздух вокруг тысячами стрел. Несколько метких выстрелов из катапульты внесли хаос в ряды атакующих, но самое главное, чья-то меткая рука сумела послать каленую стрелу в Водительницу Мертвых. Убить Йагра'су не так-то просто, но петть она больше не смогла. Оно и понятно, с раной в груди не шибко попоешь.

Саму Хелит пришлось силой отдирать от веревки, только весть о ранении колдуньи-дэй'ном заставила ее разжать пальцы.

– Теперь мы точно отобьемся, не переживай, – успокаивал ее Гвифин, смазывая раны на ладонях целебным снадобьем.

Но сначала он отпаивал Хелит какой-то пахучей настойкой, чтобы не икала от страха и не тряслась всем телом.

– Ты настоящая героиня. Если бы не ты, все бы кончилось плохо, очень плохо, – уверяла ее Даугир.

Но девушка вовсе не чувствовала себя героиней. Она натерпелась такого лютого страха, что никакие похвалы и почести не могли стереть жуткие воспоминания. Лорд Рэвинд умер, попытавшись отразить магическое нападение. Гвифин чудом остался жив, попросту не успев в полную силу воспротивиться чарам Йагра'су.

– Что бы они с нами сделали? – спросила Хелит.

– Тебе лучше не знать, – уверил девушку Гвифин мрачней. – Даугир права. Нам просто повезло, что у тебя хватило ума взяться за колокол и что ты оказалась настолько схожей с нашим князем.

– Чем же? – любопытствовала она.

– Лорд Мэйтианн'илли невосприимчив к магии. Совсем.

Ее пробрало внутренним холодом до самых костей.

– А это плохо или хорошо?

– Как тебе сказать... С одной стороны, вредоносные чары ему не страшны, а с другой – раны его не вылечить магией. Теперь я понимаю, почему мои настои никак не сказались на твоей памяти.

Хелит через силу улыбнулась. От снадобий Гвифина ей всегда так сладко спалось, что даже снов не снилось. Какая уж тут память? Но все же приятно, что приютившие ее люди не остались равнодушны к чужой беде. Словами не описать, до чего противно ничего не помнить о себе, о своих привычках и наклонностях. Воспоминания – та точка опоры, которая делает человека тем, кто он есть.

– Ну не плачь, все уже кончилось, – погладил ее по голове ведун.

Хелит сама не заметила, когда начала тихонько всхлипывать. От пережитого потрясения, от жалости к себе, от невозможности вернуть себе личность.

«Ты никакая, ты – пустое место, чистый лист. Каждый напишет в твоей душе, что пожелает. Если без прошлого от тебя осталось так мало, значит, там и не было ничего стоящего!» – жестоко объявила себе Хелит, закрывая лицо ладонями.

Она не видела, как многозначительно посмотрел на Дайгир ведун. Мол, эти мне благородные утонченные девицы, сами не знают, чего им надо.

– Я тебе руки перевяжу остороженько, и пойдешь помогать девушкам, – сварливо заявил Гвифин, полагая, что полезное занятие и помощь другим – лучшее средство от меланхолии.

Не будь у Мэя руки заняты мечом и кинжалом, они бы дрожали от бешенства и гнева.

«Да как...»

Коварный удар от бедра, перерубивший врага пополам.

«Как они посмели?!»

Он насадил дэй'ном на меч как жука, чувствуя, как сталь вспарывает кишки и вонзается в позвоночник.

«...Посмели напасть на его крепость?! Получайте, твари! Получайте!»

С полоборота, сильно и мощно прямо по шее. Кровь хлещет фонтаном. Хорошо!

«А так не хотите?»

Мэй ушел от контрудара, крутанулся вокруг своей оси, а потом ударил куда-то за спину, скорее угадывая, чем замечая нужное направление.

Он бился пешим. Так Рыжему было привычнее, и не хотелось зазря губить Сванни. «Умная лошадь в наше скорбное время большая редкость», – любил говаривать Финигас. В данном вопросе Мэй мнение отца всегда разделял. Тем более что к Сванни он относился как к другу. А друзей предавать нельзя.

Дэй'ном словно затеяли какую-то непонятную новую игру. Они вели себя неправильно. Небольшое войско, пришедшее под стены Эр'Иррина, разделилось на две неравные части. Одна – меньшая – спешно бежала в сторону гор, другая – большая – осталась прикрывать отход первой. Дэй'ном, не жалея себя, решительно мостили заслон из собственных тел, лишь бы не дать униэн догнать своих бежавших сородичей.

«Неспроста это», – подумалось Мэю, но он отложил поиск ответа до окончания боя.

Всю накопившуюся ненависть за разоренные земли, за гибель неповинных поселенцев, за смерть своих воинов Рыжий выместил на дэй'ном, кроша их черепа, выпуская кишки, рубя хребты и конечности. И только когда рядом не осталось ни одного живого врага, а лишь горы окровавленных останков, Мэй утер мокрое лицо и вспомнил, что у него зверски болит колено. Приволакивая ногу, он побрел к распахнутым воротам своего замка.

– Х-э-хэ-х...

Это хрипел немолодой уже дэй'ном, если судить не по смуглому хищному лицу, а по седым прядям волос, слипшимся на виске от крови. Из живота у него торчало древко копья. Нэсс из дружины Рыжего пришил вражину к земле, прежде чем его самого сразила чужая булава. Ударом человеку снесло полчерепа, и Мэй сумел опознать мертвого лишь по кожаным доспехам. У Бэнна Птицелова осталась вдова, семеро детей и недостроенная ферма.

– Сдохни, наконец, – прошипел сквозь стиснутые зубы Рыжий, выдергивая из раненого острие копья вместе с кусками внутренностей.

– Ещ-щ-щ-ще встретимс-с-с-ся, – выдохнул дэй'ном, умирая.

У них считалось, что убийца и его жертва будут продолжать сражаться и после смерти. До бесконечности, целую вечность. По идее Мэя на том свете уже поджидала небольшая армия. Одним больше, одним меньше – какая разница?

– Милорд, я вам помогу!

Хельх подставил господину плечо, чтобы тот смог опереться на него и не упасть. Упражнения с копьем отняли у Рыжего последние силы. Он всем телом навалился на оруженосца,

пытаясь удержать равновесие. Поэтому возвращение в Эр'Иррин получилось далеко не триумфальное, невзирая на одержанную славную победу. Иначе и быть не может, когда полководец добирается во двор замка едва ли не ползком. Гордость – весьма накладное чувство. А гордыня – так и вовсе смертный грех.

– Хочешь сказать, я тебе чем-то обязан? – холодно спросил Мэй. – За жизнь брата, за спасение остальных от Йагра'су?

Хелит не осталась в долгу. Она язвительно сузила светлые красивые глаза, став на миг похожей на злую птицу. Или кошку.

– Если я кого и спасала, то прежде всего себя.

– Откровенно. Ты неплохо научилась говорить на НАШЕМ языке, – усмехнулся князь.

– На ВАШЕМ языке, – резко поправила его девушка.

Рыжий снова всех потряс. На это раз своей неблагодарностью и черствостью. Даже страстный Дайнар отказывался понимать своего друга и соратника. Вместо положенной обычаем и обычным здравым смыслом благодарности храброй девушке, Мэй изводил ее придирками и подозрениями во всех прегрешениях. А главное, винил Хелит в нападении дэй'ном.

– Я готов заложить дрова собственного погребального костра, что они явились сюда из-за тебя, – заявил Мэйтианн, как только они остались наедине. – Не пожалели даже Йагра'су. Ты знаешь, кто это такая?

– Знаю. Просветили, – огрызнулась Хелит.

– Ничего ты не знаешь. Они живут по триста лет, и ни разу с момента рождения не видят солнечного света. Их появление предсказывают с точностью до мгновения, заранее зная, где, когда и у кого может родиться подходящая девочка. Подозреваю, что их вообще не бывает больше трех одновременно. Ты понимаешь, какая они редкость?

Рассказывая все это, Мэй упорно смотрел мимо собеседницы, словно за окном видел еще что-то, кроме затянутого тучами неба. Он устроился в кресле, аккуратно водрузив опухшую ногу с синюшным коленом на низкий табурет. И никому не признавался, до какой степени у него болит крестец от постоянного ерзанья на неудобном сиденье. От этого и столь мерзопакостное настроение. Он едва сдерживался, чтобы не бросить что-то тяжелое в стену, как можно ближе к Хелит.

– И вдруг ни с того ни с сего дэй'ном волокут Водительницу Мертвых на мои земли, заранее зная, что встретят решительный отпор. Тебе это не кажется странным?

– Мне пойти повеситься? – спросила она с нескрываемым вызовом.

Надо было видеть эти сложенные на груди руки, этот гневный взгляд.

– Как ты разговариваешь с князем? – нахмурился Рыжий.

– Так же, как он со мной, – развела Хелит руками, мол, какие могут быть вопросы. – Прикажешь смиренно ползать у тебя в ногах? Не дожدهшься. Я не прошу почестей, но и унижать не позволю.

Внезапно Мэй удовлетворенно ухмыльнулся.

– Ну вот, наконец-то я смог поговорить с тобой Настоящей. Мне своих масок достаточно, чтоб созерцать твою кислую озабоченную физиономию, леди Хелит. Что сделано, то сделано. Но тебе не мешает узнать еще кое о чем...

Рыжий вкратце изложил сильно урезанную версию того, что рассказал ему мадд Хефейд, почти ничего не прибавив от себя, кроме, разве что, крошечного дополнения:

– Если ты думаешь, что дэй'ном забудут о тебе и после давешнего поражения побоятся сунуть к нам нос, то ты глубоко и жестоко ошибаешься.

– А если мне поехать в Далатт?

– Пока тебе лучше оставаться здесь. Хеф тоже так считает. Придется тебе терпеть мое общество еще какое-то время...

– Считаешь, нам лучше заранее поругаться?

– Не поругаться, а договориться...

Мэй улыбнулся. Такой замечательной, открытой, искренней улыбки Хелит еще ни разу не видела на его лице. И, по всей видимости, она была лишь бледной тенью той, прежней, которая раньше постоянно жила на его губах и на дне зеленых глаз.

– Я хочу видеть рядом не Хелит из Далатта, а ту девушку, которая... смогла заткнуть глотку Йагра'су и позвать меня на помощь из такой дали. Окажешь мне такую честь?

– А что же взамен?

– Проси, чего хочешь, – великодушно дозволил князь Приграничья.

Хелит думала недолго.

– Тогда и ты будь со мной настоящим. Без масок.

Усмешка сползла с физиономии Мэя, как змеиная кожа с рептилии во время линьки, уродливым выползнем, повиснув на расквашенной в бою нижней губе.

– Тебя ждет неприглядное зрелище, Хелит, – прошептал Рыжий.

– Ничуть не лучшее, чем напускная любезность, от которой мороз по коже, и наигранное добродушие без капли искренности, – парировала девушка.

– Это потому, что я злой и нелюбезный.

– Вот и оставайся таким, – молвила Хелит.

А про себя подумала: «Лучше уж быть злым и вредным, чем вообще никаким».

Откровенно говоря, ее сейчас в меньшей степени волновали смутные пророчества дэй'ном, да и они сами тоже, и гораздо больше – гнетущая опустошенность, нарастающая изнутри. А интуиция настойчиво подсказывала, что рядом с Мэем можно стать кем-то. Стать настоящей.

– Тогда исчезни с моих глаз и позови Хельха и Гвифина, я спать хочу, – пробурчал Рыжий и сладко-пресладко зевнул.

Этой ночью он впервые за полгода спал крепко и спокойно. А главное, ему снились сны. Цветные, яркие, волшебные. Живые сны живого человека.

Глава 5

Дети Кошмаров

Даэмли

Наверное, Эйген разглядывал этот кинжал раз триста. Просто так – ради удовольствия созерцать прекрасную вещь. Другой разговор, что он сделан руками злейшего врага. Смертоносное лезвие, сталь, ледяная на ощупь, хищная впадина кровостока и по контрасту теплая на ощупь рукоять из поделочного камня. Переплетенные кисти рук – мужская и женская. Женская словно ласкает мужскую, в которой зажато лезвие. Как это похоже на Мэйтианна. Было похоже. Раньше.

Эйген улыбнулся. В свое время он не пожалел серебра, чтобы выкупить у коллекционера сей образчик униэнского искусства. Пожалуй, если бы Рыжий узнал, кто владеет его замечательным охотничьим кинжалом, лопнул бы от возмущения. Он ведь сделал его в подарок зятю – мужу младшей сестры, а тот поторопился сбыть с рук творение опального родича. Экая неблагодарность, однако.

С гораздо большим удовольствием Верховный Вигил пополнил бы свою коллекцию раритетов флейтой, выточенной, ну, предположим, из берцовой кости Рыжего. Но пока это лишь несбыточная мечта. Князь Мэй пребывал в добром здравии и, должно быть, праздновал очередную победу над дэй'ном.³

Эйген с огромнейшим трудом подавил желание метнуть кинжал в слугу, замершего возле двери в ожидании указаний. И вовсе не из жалости к последнему. Любой из высокородных дэй'фа⁴ при всем желании не сумел бы упомянуть те многочисленные случаи, когда раздражение незамедлительно вымещалось на бессловесной прислуге. Эйген всю свою долгую жизнь культивировал несвойственную дэй'ном сдержанность, заслуженно считаясь чуть ли не аскетом. От его рационализма на сородичей веяло чем-то нездоровым. В силу своего происхождения и звания Эйген мог творить что угодно, особенно с дэй'о,⁵ но слишком редко пользовался привилегиями.

– Убирайся, – буркнул хан'анх.⁶ – Скажешь, что я никого не желаю видеть до самого утра.

Чудом уцелевший слуга выскользнул за дверь, оставив господина наедине с кинжалом и мыслями. Теперь его основная задача донести волю Эйгена до остальных домочадцев. Тяжка доля дэй'о, но винить, кроме собственных родителей, некого. Разве что – саму Судьбу. Если ты уродился подобным мулу – бесплодным, значит, годен лишь для работы и услужения, а жизнь твоя ничего не стоит. Зря, что ли, жрецы заранее определяют пары из подходящих друг другу мужчин и женщин, дабы избежать подобного несчастья? И то – даже у них порой случаются ошибки. Дары Богов распределились в народе настолько причудливо, что лишь посвященные могли вычислить вероятность рождения полноценного потомства – долгоживущего, плодovitого и не слишком подверженного хворям. Слава Богам, сам Эйген относился именно к таковым – к благородным. И ему не приходилось чаще чем раз в десять лет задумываться, отчего нэсс, ангай и униэн столь однородны. Нэсс поголовно плодovitы, униэн – долгожители,

³ Дэй'ном – самоназвание народа Полночных. Иначе – Люди Ночи, Дети Кошмаров.

⁴ Дэй'фа – мужчины благородного сословия, наделенные здоровой наследственностью.

⁵ Дэй'о – генетически неполноценные, бесплодные.

⁶ Хан'анх – высшее воинское звание (аналог маршала).

а крепче телом, чем ангай, вряд ли кого найдешь. Доискиваться ответов – дело ученых или богословов, а великий Эйген был воином, как сорок поколений его предков.

Как это водится, через несколько минут Эйген передумал проводить ночь в одиночестве. После жестокого разноса, полученного утром от Повелителя, неплохо было бы все-таки выпустить пар. Например, с Хиннгой. Жениться хан'анху совсем не обязательно, его семья и так дало немалое потомство у благородных дэй'га.⁷ Но зачем же содержать десяток наложниц из числа худородных, если не давать воли своей плоти?

– Дэй'о!

Слуга прекрасно знал привычки хозяина. Он всегда после получения приказа немного выжидал под дверью – вдруг Эйген изменит свои намерения. И ведь никогда не ошибался, шельма!

– Зови Хиннгу!

– Слушаюсь!

На этот раз хан'анх не передумал. Дэй'о его вполне понимал. От такой женщины, как Хиннга, невозможно отказаться.

Высокая, как мужчина, но тонкокостная, с огромными синими глазами, она могла зажечь в любом мужчине бешеную страсть, настолько искусно владела методами изысканного обольщения. От того, как она покачивала бедрами при ходьбе, сходили с ума даже евнухи. А этот пронзительный взгляд, а груди, а черные гладкие длинные волосы, мягкие и тонкие...

– Я соскучилась, – мягко улыбнулась Хиннга. – Ты так давно не посылал за мной.

– Я был занят, – молвил Эйген, с вожделением глядя, как женщина снимает с себя одну за другой полупрозрачные юбки. – Меня вызывал к себе Повелитель.

– В последнее время он довольно часто нуждается в твоём совете, мой господин.

«Скорее Олаканн нуждается в мишени для угроз и обвинений», – подумал хан'анх, но невеселые мысли не помешали ему возжелать наложницу, как только она избавилась от последней юбки.

И не только пожелать, но тут же воплотить все свои желания в реальность. Тем более что Хиннга ничуть не возражала против любых прихотей господина хан'анха. Даже если они были... не совсем обычны. Постельные утехи с Эйгеном таили в себе серьезную опасность. От трогательной нежности он мог сразу же перейти к безудержной злости, и тогда... держись Хиннга! Его пощечины и тумачи отольются на нежной коже лиловыми кровоподтеками, которые не под силу свести даже колдовством. Рука, привыкшая к мечу, даже вполсилы бьет очень и очень больно.

Впрочем, все дэй'фа таковы. Некоторые могут и убить под влиянием внезапного порыва. А потом долго сожалеть и лить слезы, которые, как известно, мертвых не воскрешают.

– Повелитель недоволен. Рыжий снова наголову разбил отряд Согана. Йагра'су едва не погибла, – пожаловался Эйген.

После хорошего секса он становился говорлив. А Хиннга, напротив, вся обращалась в слух. В этом было ее основное достоинство, а вовсе не там, где оно располагается у остальных женщин.

– Рыжий так силен?

– Силен, – признал Эйген. – Его люди – отважные и умелые воины. Да и сам он в бою стоит многих и многих. Если ты не забыла, то он и меня сумел победить.

Женщина прикусила язычок, опасаясь спровоцировать вспышку гнева. Но Эйген вовсе не склонен был вновь переживать из-за той давней истории. Тогда горечь поражения испытали все, даже Повелитель. Пример Рыжего оказался заразителен, униэн воодушевились и, объединив усилия, отбросили армию дэй'ном за горы. И все же хан'анх вспоминал ту войну с удо-

⁷ Дэй'га – женщины благородного сословия, наделенные здоровой наследственностью, способные к деторождению.

вольствием. Именно тогда погиб Финигас, а его старший сын ослабил себя отступничеством, лишился всего, что только способен потерять униэн. Не только власти, не только чести, не только благоволения Верховного короля. Это, в общем-то, сущие мелочи. Он перестал быть Волшебником и Созидателем. Как такое могло случиться, Мэйтианн'илли хранил в строжайшей тайне. Но факт остается фактом. Мысль о бесконечном страдании, на которое обрек себя заклятый враг, грела Верховного Вигила – хан'анха Эйгена в самую суровую зиму и не давала отчаяться после очередной жестокой выволочки Повелителя. Рыжему все равно гораздо хуже.

– Он красив? – полюбопытствовала Хиннга.

– О, женщины! Вы готовы все простить за смазливую мордашку, – добродушно рассмеялся Эйген. – Не особенно. Лицо как лицо. Только яркие волосы делают его облик памятным.

Самому хан'анху больше всего запомнились доспехи униэн: кираса, инкрустированная малахитом и серебром, мельчайшего плетения кольчуга, идеально подогнанные пластинчатые наплечники. И, разумеется, не забыть его знаменитое Крыло. Свой великолепный меч Рыжий небрежно положил на правое плечо. Полированное лезвие блестело, как зеркало, отбрасывая яркие блики на небритую щеку униэн.

«Неужели ты считаешь, что мы примем ваши условия? – спросил он тогда. – За кого ты меня принимаешь? За одного из твоих дэй'о? Таких, как ты, хан'анх, я убивал, убиваю и буду убивать».

Эта ухмылка во весь его немалый рот еще долго снилась Эйгену в кошмарах. Потому что в тот миг Верховный Вигил посчитал слова княжича униэн похвалой и бравадой, а оказалось, что Мэй умеет и может побеждать. Лойсов вышкварок! Порой Эйген чуть ли не наяву грезил о том, чтобы сойтись с ним в поединке. Даже если результат непредсказуем. Не имеет значения, кто победит – униэн или дэй'ном, но это угнетающее противостояние закончится с гибелью одного из них.

– Ты красивее всех, мой господин, – пропела наложница, жадно припадая к губам хозяина, лишний раз выказывая преданность и любовь.

Эйген предпочитал верить собственным глазам и отражению в зеркале, а не лстивым словам женщины. К сожалению, согласно воинскому канону ему приходилось стричь волосы чуть выше плеч и собирать их в маленький хвостик на затылке, но зато лицо хан'анха отличалось правильностью и соразмерностью черт. Разве только подбородок воинственно выступал вперед, придавая Эйгену слишком суровый вид. Подкачал только цвет глаз – желтоватый, как у дикого лесного кота. Красивыми у дэй'ном считались голубые глаза.

– Неужели ты так расстроен? – удивилась женщина. – Подошли к униэн наемного убийцу. Из нэсс или ангай.

– В Эр'Иррин чужих не пускают, а за стенами Рыжий крайне внимателен и осторожен. Последнего отравителя он удавил собственными руками, – пояснил хан'анх.

– Не отчаивайся. Если твой униэн не из числа бессмертных, то рано или поздно ты найдешь на него управу, мой господин, – заверила его Хиннга. – Ты ведь такой умный.

«Сладкоголосая сучка», – мысленно хмыкнул Эйген.

– Сейчас князь униэн не самое главное. Повелитель обеспокоен...

Эйген вовремя остановился. Если из-за его болтовни потом придется казнить чересчур много знающую наложницу, он себе этого никогда не простит. О униэн Хелит из семьи Гвварин лучше лишний раз промолчать. Казалось бы, ну что сложного может быть в том, чтобы подстеречь и убить беззащитную девчонку? На взгляд Эйгена – ничего. Нэсс принесли в доказательство ее платье и сапожки, Арра'су⁸ подтвердила, что одежда снята с мертвой. Словом, все устроилось наилучшим образом, а девчонка возьми и оживи. Когда разведка донесла об эр'ирринской гостье, Эйген впервые схлопотал оплеуху от Повелителя. Тогда хан'анх решил

⁸ Арра'су – магичка, способная считывать информацию о владельце любого предмета.

немного опередить события и расшевелить самих униэн. Это ведь Эйген придумал сдать Хефельду атамана-нэсс, чтоб слухи о предсказании Читающей постепенно дошли до Лот-Алхави. Надо лишь немного подождать да умело подтолкнуть кое-кого из униэн к расправе над девицей Гвварин. Так нет же! Соган настоял послать в Тир-Луниэн Желтые Повязки и Йаг-ра'су в придачу. Отвлекающий маневр тоже он придумал. Стратег Лойсов! Если Водительница Мертвых умрет, голова хан'анха Согана увенчает собой наконечник копья на лобном месте перед дворцом. Но кому от этого станет легче?

– Не нужно быть таким грустным, мой господин. Хочешь, я станцую для тебя? – ласково мурлыкнула Хиннга.

– Спляши-ка лучше на моем...

Но закончить фразу Эйгену не дал звонкий голос гонца, раздавшийся из приемной.

– Повелитель срочно требует Верховного Вигила во дворец! Не медли, хан'анх!

«Лойсовы шуточки!» – мысленно воскликнул Эйген, поспешно выталкивая наложницу из постели.

– Вон! – приказал он и начал одеваться.

Белая длинная рубашка, широкие черные штаны, сапожки, из оружия только короткий меч, а сверху теплый плащ. Что-то прохладно нынче на улице.

Повелитель не любит ждать ни днем, ни ночью. Тем более ночью.

Ночная Хикмайя – зрелище незабываемое в любое время года. Но весной... «Ах, весна! Что ты делаешь с крылатым сердцем? Почему плачет оно при виде ветвей, покрытых цветами? Ведь зима уже кончилась...»

Эйгену неожиданно припомнились стихи великого, но непонятого поэта древности. Согласно легенде, Ттимур написал эти строки кровью возлюбленной, им же убитой в приступе ревности.

Каждый дом, каждый дворец, как маленькая, укрепленная по всем правилам крепость. Аккуратно подстриженные деревья еще не загораживают листвой редкие светящиеся окна и крошечные лампадки, выставленные в специальных нишах. Жить в Хикмайе – честь и привилегия. Большинство дэй'ном благородного сословия прозябают в своих замках в провинции и до безумия завидуют своим сородичам, обитающим в непосредственной близости от самого Повелителя. Жить в Хикмайе – опасное занятие. Здесь каждый камень пронизан интригами и пропитан кровью. Впрочем, столица любого королевства естьместилище всевозможных пороков. О нравах униэнской Лот-Алхави тоже ходят недобрые слухи, но все равно до Хикмайи никому не дотянуться. Здесь если власть – то абсолютная, если роскошь – то вопиющая, если страсть – то безумная, а если смерть – то мучительная и ужасная. Вот и выбирай, что больше по душе – относительная безопасность в какой-нибудь дыре или каждодневный риск возвышения? Эйгену выбирать не пришлось. Он родился и вырос в тени дворца Повелителя, впитывая каждой порой атмосферу вечной неопределенности. Жизнь на лезвии меча меж триумфом и позором – вот что ему было по нраву.

Столица дэй'ном мирно почивала на дне долины, со всех сторон окруженной горами. Поэтому здесь, гораздо раньше, чем в других землях, зацветали сады. В разгар цветения долина казалось миской, полной топленого молока. Вид, заставляющий придворных дам падать в обморок от избытка чувств. Эйген презрительно поморщился. Ему еще предстоит это редкостное «удовольствие» – сопровождать благородных дэй'га в традиционных увеселительных прогулках-пикниках на склоны гор. Даром, что все эти дамы произвели на свет полноценных детей, но общаться с ними – тяжелое бремя. Лет двести назад эти пикники заканчивались грандиозной оргией, но с той поры нравы дэй'ном стали скромнее. В крайнем случае, особо настырная фрейлина проберется в палатку к охранникам, дабы вкусить запретного плода – жестокой любви суровых воинов. Ну и отдерут ее суровые воины в лучших традициях казармы.

А Эйгену только потом и забот, что отбиваться от наговоров анонимов, которые завалят канцелярию Повелителя доносами и жалобами.

Верховный Вигил отогнал неприятные мысли. Вот ведь наказание какое – стоит залюбоваться красотами Хикмайи, и мысль сразу скатывается к грядущим неприятностям. Видимо, неспроста это. Насчет вызова к Повелителю Эйген не волновался. Такое случалось неоднократно. Иногда Олаканн маялся бессонницей, а потому отчаянно скучал и жаждал, чтобы хан'анх развлек его. Желания Повелителя – закон. И бывают они весьма и весьма... разнообразны. Начиная от совместной дегустации очередного кулинарного шедевра и заканчивая бурным сексом. В роду Повелителей что мужчины, что женщины отличаются безудержными страстями и темпераментом, не отдавая предпочтения какому-то одному полу. Эйген был готов ко всему. Иначе не носить ему титула Верховного Вигила бессменно вот уже 80 лет подряд. Удержаться на вершине власти среди бешеных нравом и разумом дэй'ном великое искусство. Предыдущий Верховный выдержал всего лишь три года.

Прямая улица вела к центру города. В Хикмае все улицы подобны лучам солнца, расходящимся от дворца правителей Чардэяка. Из любого конца города видна его центральная башня. Она, как маяк для корабля, зовет к себе путника. Словно нашептывает: «Рискни и попытай удачу. В случае успеха тебя ждут богатство и слава, а если ошибешься, то не обессудь, – безвременная смерть». Если ты дэй'фа – благородный мужчина, то почему бы и нет? У благородных женщин может быть только одно предназначение – деторождение. В исключительном случае – жреческое служение Богам. Все достаточно просто. Это только извращенцам-униэн жизненное устройство заклятых врагов кажется сложным и крайне запутанным. А как иначе сдерживать тех, кому поступки диктует могучая изменчивость противоречивых чувств? Не будь жестких рамок, дэй'ном давно бы уже выродились или перерезали друг друга в приступах буйства.

Дворец располагался на острове посреди озера. К его одетым в камень берегам сбегались все улицы. Ближайшие дома отстояли от края набережной на сто мужских шагов, образуя площадь-кольцо, мощенную белым камнем. Эйген приказал носильщикам остановиться, вылез из паланкина, чтобы пройти до моста эти сто шагов пешком. Его уже ждал постельничий Повелителя, готовый сопровождать хан'анха в покои властителя. Или же сообщить о том, что планы Его Величества круто изменились.

– Соблаговолите следовать за мной, благородный Эйген, – молвил величественный царедворец, низко кланяясь.

Тот лишь невнятно буркнул в ответ. В роду постельничего время от времени рождались не только дэй'о, но однодневки – дэй'вы.⁹ Этот прискорбный факт тщательно скрывался, но Эйгену по должности полагалось знать о придворных всю подноготную. И он знал, например, что двое из четырех братьев господина Мангэ родились бесплодными недееспособными кретинами, срок жизни которых ограничился бы всего 20 годами, если бы их не умертвили во младенчестве. Иначе, отчего бы это госпожа Мангэ кончила дни свои в семейной темнице?

Постельничий вел хан'анха знакомой дорогой по узкому тайному коридору, а не через анфиладу больших и малых общедоступных залов. За тонкими шелковыми занавесями, которыми отделаны стены, нередко прятались наемные убийцы, но сейчас Эйген мог не опасаться за свою жизнь. До конца беседы с Повелителем он может вообще ничего не бояться. А потом... видно будет.

Во дворце пахло сладкими благовониями, чей изысканный аромат одновременно успокаивал и настраивал на миролюбивый лад. Эйгену сразу захотелось принять ванну с морской

⁹ Дэй'вы – мутанты, генетически, физически и умственно неполноценные.

солью и почитать стихи великого Ттимура. Но он сдержался. Другое дело, каких ему это стоило усилий.

– Боги! Кого я вижу?!

Эйген застыл на месте, не веря глазам. Кананга не шла, а плыла навстречу, бесшумно и плавно, как сытая акула в морских глубинах. Весьма точное сравнение, если помнить о ее пугающей репутации. Единоутробная сестра Повелителя – единственная женщина в Чардэйке, которая сумела ускользнуть из жестких объятий традиций и долга. Она вела не по-женски свободную жизнь, меняя любовников, находя новых друзей и врагов, странствуя и уединяясь, убивая, любя и колдуя. Когда-то сердце Эйгена всецело принадлежало ей, точно так же как и сердца всех благородных дэй’фа столицы. Как сердце ее брата. Они были удивительно похожи. Ослепительная красота с душком истинного порока сочеталась в обоих с тонкостью и изощренностью чувств.

– Ты ли это, вигил? – изумленно выдохнула Кананга.

– Постарел?

– Ты... стал величественным и невероятно мужественным.

Ненаследная принцесса никогда не лгала мужчинам. Немыслимая роскошь для женщины.

– А ты – еще красивее, – искренне признал Эйген.

Белое платье, расшитое серебряными рыбами, плотно обхватывало тонкий девичий стан, открывая нескромному мужскому взору великолепие впадинки между грудями. Сто одиннадцать мелких жемчужных пуговиц сбегали прелестным караваном от декольте к самому низу подола. Так и хочется расстегивать их медленно-медленно, одну за другой, покрывая поцелуями каждый *кэц*¹⁰ теплой ароматной кожи. Скольких наглецов сгубила эта манящая нагота... без счета. В рукаве у Кананги всегда найдется стилет или удавка для назойливого сластолюбца. От нахлынувших воспоминаний Эйген задохнулся.

– Тебя не было в Хикмайе девять лет.

– Что с того? Разве я могла не вернуться?

– Мир велик, – вздохнул Эйген.

– Воистину, вигил. Я привезла тебе маленький подарок.

– Вот как?

Кананга любила делать подарки, но непременно со смыслом. И, как правило, послание граничило с откровенным оскорблением.

– Я слышала, ты собираешь поделки Рыжего Мэя. Вот я и подумала, тебе понравится владеть шкатулкой, которую он вырезал из корня *юнипера*.

Хан’анх не знал: обидеться ему или порадоваться вниманию принцессы. Но она сама разрешила его сомнения:

– Мысль о том, что в нее можно будет насыпать горсточку пепла, которая останется от Рыжего, непременно придется тебе по вкусу.

«Пытаешься подольститься? – безмолвно спросили желтые зеницы Эйгена. – Не поздно ли?»

«А если и пытаюсь? – лукаво улыбнулась женщина. – Накажи меня».

«Не сейчас», – отстранился воин.

Если бы не ожидавший его Повелитель... Эйгену потребовалось обуздать свое вспыхнувшее желание так же, как иной раз приходилось обуздывать необъезженного скакуна – жестко и грубо. Иначе он бы набросился на Канангу, чтоб изнасиловать или избить... или...

Оставалось только, скрипя зубами, смотреть, как принцесса уходит прочь, зазывно покачивая бедрами.

¹⁰ *Кэц* – единица длины, равная верхней фаланге мизинца на руке, примерно 1 см.

«Женщины есть зло», – напомнил себе вечную истину Эйген.

А может быть, правы надменные выскочки униэн, когда твердят о проклятье, лежащем на Людах Ночи? Эта невыносимая власть животных, переменчивых страстей над духом неестественна для разумного существа. Перемудрили Боги, заманили в ловушку доверчивых дэй'ном, а проклятые дары превратили Полуночных в живые игрушки Судьбы. Любовь, в любой момент готовая обратиться в ненависть, радость – в злобу, разве это не проклятье? Нет? Тогда, что же это такое? За что?

Господин Мангэ, терпеливо ждавший окончания беседы с принцессой, не решился напомнить о себе. Он очень убедительно сделал вид, будто обнаружил дырочку на занавесках.

По всей вероятности, Повелитель этой ночью тоже решил обуздать свои желания. Вдвойне подозрительно. Из жаркого сумрака приемной навстречу Эйгену проскользнули всего двое: юноша и девица. Обычно же из опочивальни Олаканна выскакивало, самое меньшее, четверо наложников. А чаще всего Повелитель не торопился отвлекаться от своих забав, обсуждая с хан'анхом государственные дела без отрыва, так сказать, от удовольствий.

– Пришел Верховный Вигил, о, Повелитель! – торжественно провозгласил Мангэ и распахнул двери перед Эйгеном.

Большинство подданных Олаканна не имели права поднять глаз выше, чем до колен властителя, но Верховный Вигил к таковым не относился. И он мог видеть, что Повелитель пребывает в крайнем беспокойстве. Так вот зачем дворец полон умиротворяющих запахов! Иначе воды озера вокруг дворца уже окрасились бы кровью придворных, попавших под горячую руку властелина Чардэйка. Дворцовый парфюмер не зря ел свой хлеб и пил свое вино.

Эйген хотел совершить положенную этикетом серию поклонов, но был остановлен решительным жестом Олаканна.

– Перестань! У тебя и без этих выкрутасов закружится голова, хан'анх, – бросил он. – Будешь пить?

– Если прикажите.

– Приказываю!

– Тогда буду, – улыбнулся Эйген.

Мальчишеская внешность Повелителя и его откровенное нетерпение могли ввести в заблуждение кого угодно, но только не Верховного Вигила. За 80 лет он успел изучить Олаканна вдоль и поперек, но все равно иногда побаивался перечить даже в сущих мелочах.

Если бы ничтожная наложница Хиннга смогла увидеть Повелителя, она бы удавилась от зависти. Водопад из черного шелка – его блестящие волосы, не у каждой женщины сыщется такое богатство. Бледное лицо раздумянилось, голубые глаза сверкали, атласный халат струился с узких плеч, подчеркивая стройность стана. Еще бы, самая чистая и здоровая кровь во всем Чардэйке. Даром, ох недаром без устали воспевали красоту Олаканна лучшие поэты современности. Жаль только, норов его воспеть некому! Считается, что его предки в начале времен делили Дары Богов между остальными дэй'ном. Вот и не обделили себя ни в чем.

Словно в подтверждение мыслей Эйгена Повелитель жадно припал губами к большой чаше с вином. И пока не выдул половину, не остановился. Заодно бдительно проследил, чтобы его ночной гость не отставал.

– Пей, пей. Не отравлю. Сегодня ты мне нужен.

Вино оказалось крепленое, чрезмерно сладкое и густо приправленное пряностями. Непривычного человека оно валило с ног после трех хороших глотков. Но не Эйгена.

– У меня три новости, – молвил Олаканн, облизываясь.

– И все три – плохие?

– Нет, Эйген, ошибаешься, – ехидно оскалился Повелитель. – Одна другой хуже.

– Очаровательно.

– Начну с относительно приятной. Для тебя. Я приказал четвертовать Согана. Ты рад?

– Рад, – не покривил душой хан'анх. – Но это означает, что Водительница скончалась от ран.

– Верно. Умерла в первый час после заката. И как бы я ни относился к Согану, пришлось его казнить. Я разгневан.

В свое время покойный военачальник был любовником Повелителя, а нынче дочка Согана ходила у Олаканна в фаворитках. Еще неизвестно, чем для нее обернется казнь папаши. Либо Повелитель осыплет девицу золотом в порыве раскаяния, либо прикажет удавить потихоньку: тут все зависит от минутной прихоти. Эйген был рад, что ни разу даже не пытался познакомиться со своими кровными детьми. В его положении – они стали бы вечными заложниками воли Повелителя.

– Смерть Йагра'су – большая потеря для всех нас. Теперь придется искать новую Водительницу и ждать, пока она вырастет и войдет в полную силу. Брать в бой такую колдунью было непростительной ошибкой, – совершенно серьезно заметил хан'анх.

– Пей еще!

Эйген снова выпил. Оставалось только дивиться, как в Олаканна помещается столько жидкости. Повелитель хлестал вино, как воду.

– А какая же третья новость? – спросил Верховный Вигил.

– Ага! Ты заинтригован! – обрадовался Повелитель.

– Вы всегда чрезвычайно проницательны, Величайший.

Глаза Повелителя сияли голубыми алмазами. Он нервно облизнул губы.

– В предсмертном прозрении Водительнице открылось тайное. Она назвала имя того, кто станет Верховным Королем униэн.

– Кто же это?

– Наклонись, мой хан'анх, я скажу тебе это на ушко, – сладко пропел властелин дэй'ном.

Эйген перегнулся через стол, покорно выполняя желание Олаканна. Его горячие губы почти касались мочки уха, а дыхание обжигало. Говорил он медленно, смакуя каждое слово, точно запретную сладкую фэй.¹¹ Перекатывая на языке ненавистное имя кусочком пряной древесной смолы, дарующей покой и забвение.

И когда Эйген услышал это имя, то непроизвольно скомкал в кулаке тонкую золотую чашу с остатками вина. Точь-в-точь, как неаккуратный писец мнет испорченный кусок дешевой бумаги.

– Что?! – взревел он вепрем-подранком. – Этого не может быть! НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Воистину, в припадке ослепляющей ярости он превзошел самого Повелителя и одновременно доставил тому невыразимое для каждого истинного дэй'ном удовольствие – понаблюдать, как сородич бесится от злости и не может выплеснуть ее на ближнего.

Восторгу Повелителя не было предела. Самое время направить стопы в квартал отверженных-дэй'о, чтобы утолить жажду крови и насилия. Будь она проклята!

¹¹ Фэй – наркотик-галлюциноген.

Глава 6

Право Судии

Даэмли

Окончательно распогодилось после праздника Ито Перворожденной. Прижимистая северная весна неожиданно щедро одарила Приграничье теплыми ветрами и солнечными днями, не поскупилась она на обильное цветение садов и бурные всходы на полях. Птицы вили гнезда, лесные опушки покрылись ковром из цветов. Небо, словно тщеславная юница, безотрывно гляделось в зеркала озер, и даже коварная Бэннол решила прикинуться скромной пограничной речушкой. Она серебристой ленточкой петляла меж рощ и холмов, одним своим видом напоминая Мэйтианну о его долге хранителя границ Тир-Луниэна.

Зачастили послы из сопредельных государств, стремясь заблаговременно заручиться поддержкой князя униэн. Шпионы в тайных депешах в один голос твердили об агрессивных намерениях Чардэйка. Дэй'ном серьезно готовились к вторжению, чуть ли не вдвое увеличив численность своей армии. Владыки Сатта и Бурмиэ жили в ожидании скорой войны и торопились обновить старые союзы. Все они знали: если кто и сумеет остановить орду захватчиков, то лишь Рыжий Мэй. Полнейшему взаимопониманию мешали старые распри и вековые обиды нэсс, переговоры быстро заходили в тупик. Поэтому в крепость Мартис, удачно расположенную на границе между тремя королевствами, Рыжему пришлось ездить раз пять, прежде чем высокие стороны сумели достичь некоторого компромисса. В последний раз Мэю удалось также выторговать беспопыльный провоз оружия из ангайских анклавов. Уже кое-что!

После круглосуточного столпотворения в Мартисе, где невозможно ни на мгновение остаться одному, сама возможность некоторое время помолчать казалась Рыжему восхитительной. Он ехал впереди отряда и думал о том, что отдал бы все оставшиеся годы жизни и посмертие в придачу за возможность хотя бы несколько чудесных погожих дней остаться в полном одиночестве. Будь у Мэя в запасе пара суток, он бы провел их на берегу неприметного лесного озера. Даже костра не стал бы разводить. Филины уже, должно быть, вывели пестрых, вечно голодных птенцов, а в лисьих логовах возятся пушистые детеныши. На солнечном склоне ветер колышет мохнатые колокольчики сонника изумительного лилового оттенка. Напиться вдоволь покоя и тишины, рассыпать душу невесомым пеплом в траву. И забыть. Как Хелит.

Мэй и сам не отказался бы узнать, что с ней приключилось на самом деле. Почему-то ему казалось, что жизнь той, другой Хелит, была удивительной и необыкновенной. Нездешней. Однажды увидав, с какой отчаянной тоской девушка выглядывает через амбразуру на крепостной стене, рассматривая окрестности, Мэй понял, что она, в отличие от большинства мужчин и женщин, точно знает, что такое быть свободной. Выдайся хоть малейшая возможность, одна с радостью вырвалась бы из тесного мирка приграничного замка. Другая Хелит привыкла быть независимой. И тут как раз Рыжий ее понимал лучше, чем кто-либо другой. На том, собственно, они и поладили меж собой, словно заключив безмолвный договор, суть которого сводилась к незамысловатому взаимному дополнению друг друга. Мэй помнил, но не чувствовал, а Хелит чувствовала, но не помнила. Во всяком случае, вместе они оба стали сильнее, чем поодиночке.

Мэй улыбнулся своим мыслям. Сейчас дорога снова повернет, и откроется потрясающий вид на Эр'Иррин. Тот самый, который пленил сердце Рыжего с первого мига, едва он увидел, где ему предстоит провести остаток дней. Тогда на месте красавца замка черным зубом торчала

выгоревшая дотла черная башня в окружении обрушенных стен, и все равно Мэй разглядел скрытую красоту каменистого холма, поверил в то, что правильно распорядился своей судьбой.

Рыжий натянул поводья, останавливая Сванни, залюбовавшись творением рук своих, а заодно и дождался, когда подтянутся сопровождающие его воины.

Он прикрыл от слепящего солнца глаза ладонью, словно пытался разглядеть крошечную девичью фигурку на одной из стен. Дайнар понимающе усмехнулся. Рыжий не скрывал, как ему приятно это ненавязчивое внимание.

«Ничего ты не понимаешь, – мысленно откликнулся Мэй на многозначительную ухмылку друга, не в силах сдержать досаду. – И не поймешь, даже если я начну объяснять. Она – не одно лишь смазливое личико и стройная фигурка, она не жалеет, не сочувствует, и если верит, то не слепо... Она знает. Она видит незримое».

Но ничего такого говорить Дайнару Рыжий не стал, а высказался совершенно в ином духе:

– До чего же мне охота жрать.

– Еще бы, – фыркнул тот. – Ты ничего не ел почти два дня. Только пил и пил воду. Я уж было решил, что ты болен.

– Да? – удивился Мэй. – И верно! Не хотелось. Зато теперь я готов съесть быка.

– До быка придется еще несколько дней потерпеть, но у Лэйвы обязательно найдется что-нибудь вкусненькое.

Традиция требовала в Сайгэллов день закалывать черного бычка, жарить его на вертеле, чтобы досыта накормить всех, кто пожелает разделить радость окончательного воцарения на земле времени Даэмли – Возрождения. Дети, родившиеся после Зимника, получают имена, влюбленные соединятся брачными узами, а обиженные обретут защиту и справедливость.

– Если ты и в этом году попытаешься избежать Права Судии, то поползут нехорошие слухи, – негромко напомнил Дайнар. – В канун большой войны лучше избежать народного недовольства.

– Я помню, – бросил Мэй.

Солнечный свет в одночасье померк для него, будто светило закрыла черная грозовая туча.

Хелит проснулась от шума на внутреннем дворе под окнами ее опочивальни. Какое-то время она лежала без движения, свернувшись калачиком, с головой накрывшись одеялом. Лежала и боялась не только шевельнуться, но даже раскрыть глаза, чтобы не спугнуть призрачные лоскутки сновидений, которые с таким трудом сумела удержать в памяти.

Каждый вечер, укладываясь в кровать, Хелит засыпала с четким заданием – вернуться с добычей. И каждую ночь она видела что-то восхитительно родное и утраченное, в снах Хелит была у себя дома, среди своих, и все вокруг было знакомо, понятно и объяснимо. Но утром девушка просыпалась без единого воспоминания об увиденном, со звенящей пустотой в голове, хотя во сне каждый раз клялась себе, что вот теперь-то точно ничего не забудет. А рассвет, подобно наглому карманному воришке, умудрялся похитить ее бесценное сокровище в последний миг перед пробуждением.

Но Хелит не сдавалась. Она пробовала снова и снова. Память же упорно пряталась в мире снов, как партизан в лесу, и не поддавалась ни на угрозы, ни на сладкие увещания.

А без воспоминаний Хелит сама себе казалась призраком, кем-то, не принадлежащим миру живых. Иногда ей чудилось, что все наоборот. По-настоящему она живет где-то в другом месте, а Эр'Иррин со всеми его обитателями – бесконечный, мучительный сон. Разве сны помнят о яви?

«Ну пожалуйста! Пусть сегодня я вспомню!» – молила она непонятно кого и засыпала в слезах.

Но, видимо, кто-то злокозненный выбил из рук хрупкую посудину прошлой жизни, и она разбилась на миллионы крохотных осколочков, которые не собрать и не склеить заново.

Наконец Хелит сбросила одеяло и открыла глаза, упершись взглядом в высокий сводчатый потолок теплого песочного цвета. Осторожно прислушалась к собственным мыслям и вынуждена была признать очередное позорное поражение. Ничего. Ничегошеньки. Пусто.

Делать было нечего, в Эр'Иррине никто не мог себе позволить роскошь нежиться в теплой постели. Замок ожил: после звонкой переключки сменилась стража на стенах, без остановки скрипел ворот колодца – конюхи торопились наполнить поилки для лошадей, хлопали двери, ругались прачки, размеренно бил молотом по наковальне кузнец. Здесь у всех и у каждого были свои занятия и обязанности, не исключая самого князя Мэйтианна. Если он не объезжал отдаленные гарнизоны, то погружался в отчеты и донесения; если не гонял на плацу своих воинов, то сам упражнялся в боевых искусствах. А еще он находил время для разбора жалоб подданных друг на друга, а для этого изучал законы и уложения, которые зачастую противоречили друг другу. От зари до заката не знал князь отдыха и покоя, а если бы мог, то заполнил бы делами даже ночные часы. К превеликому счастью обитателей Эр'Иррина, здесь по ночам принято было спать. Причем не мудрствуя лукаво на боковую народ отправлялся, едва лишь солнце опускалось за горизонт, тем более что подъем на заре ожидал абсолютно всех, вне зависимости от положения и титула. Иначе в Приграничье не выжить. В столицах, там – да, некоторые и до полудня спят. Тайгерн не скупился на рассказы о нравах, царивших в Лот-Алхави. Благо нашлось для его повествований немало заинтересованных слушателей. И пока хорошенькие ушки были заняты, не менее хорошенькие ручки трудились над прялкой, ткацким станком или шитьем. Девушки-униэн, хотя и считались придворными дамами эр'ирринского князя, работали наравне со всеми остальными. Им вменялось в прямую обязанность всячески обихаживать благородных воинов: чинить их одежду, следить за ее сохранностью, лечить раненых и даже развлекать в меру сил.

Хелит же была на почетном положении гостьи и могла спокойно бездельничать, но сидеть сложа руки в то время, как ее новые подруги гнут шеи, и к тому же слушать бесконечные байки лорда Тайго ей не хотелось.

Мадд Хефейд, пока не уехал в Далатт, успел от души замордовать девушку пересказами былых подвигов ее предков. Вернее сказать, подвигов представителей семьи Гвварин. Поначалу Хелит честно пыталась запомнить, кто, кому, когда и почему отрубил голову или перерезал горло, но быстро сбилась со счета своим безвременно почившим предкам мужского пола. Предки женского пола занимались исключительно домашним хозяйством. Они честно воспитывали детей и не мешались у мужчин под ногами, когда те в свое удовольствие кромсали врагов на куски разной величины. Судя по всему, жизнь униэн, впрочем, как и остальных народов, особым разнообразием не отличалась. Можно даже сказать, что у сородичей Хелит имелись некоторые преимущества по сравнению с остальными. Беседуя с Гвифином, она выяснила, что женщинам дэй'ном вменялось в обязанность лишь деторождение, а сестры по полу из народа ангай вообще не считались свободными людьми, от рождения и до смерти пребывая в собственности мужчин. Сначала – отцов, потом – мужей, а затем – сыновей и внуков. От этих открытий Хелит становилось как-то совсем не по себе. Где бы она ни была раньше, но Там все было несколько иначе. Кажется...

От полного саморазрушения ее спас Рыжий. Его угрюмые посулы относительно своего общества оказались не такими уж и страшными. Хелит очень быстро уверилась, что более молчаливого и погруженного в себя мужчины она никогда раньше не встречала. По большому счету, Мэй не нуждался ни в компании, ни в собеседниках. Но ему срочно требовался живой свидетель реальности собственного существования. Своего рода зеркало, заглянув в которое, он мог сказать себе: «Я есть!» Таким свидетелем и стала для него Хелит. Она была допущена в святая святых – в огромный княжий кабинет, похожий одновременно на книжный склад,

оружейную комнату и архив. Рыжий разрешил ей брать и читать любую книгу, разворачивать любой свиток из тех, что хранились в ящиках громоздких резных шкафов. В отличие от Гвифина, который, точно дракон над кучей золота, чах над своей чародейской библиотекой и пресекал любые попытки Хелит приблизиться к ней хоть на шаг. Чокнутый колдун, что с него возьмешь! Мэй посмеялся над чудачествами ведуна, но посоветовал явить великодушие и не обижаться.

– Тебе мало моего кабинета? – спросил он.

– В твоём хранилище нет никакого порядка. Все книги стоят вперемешку.

– Почему? – удивился Рыжий. – Толстые стоят рядом с толстыми, а тоненькие на одной полке с тонкими. Тяжелые внизу, а легкие наверху.

– А разве не проще рассортировать по темам? Чтобы исторические хроники – отдельно, стихи – отдельно, а учетные книги лучше попрятать в сундуки.

Мэй удивленно приподнял левую бровь, оценив по достоинству дельное предложение.

– Ну так сделай, как считаешь нужным. Ты у нас ученая – тебе и порядок наводить.

– Ученая?! – растерялась Хелит. – Гвифин сказал?

– Сам вижу, – хмыкнул князь и вернулся к своим депешам.

А Хелит принялась за новую работу с неожиданным для себя энтузиазмом, категорически отказавшись от помощников из числа прислуги. По крайней мере, ее дни теперь были заполнены делом, требующим внимания и сосредоточенности, чтобы поменьше думать о собственном духовном увечье. Пока Мэй был в отъезде, она упорядочила бумажный хаос до состояния близкого к идеальному, добравшись наконец до учетных книг.

Рыжий осторожно заглянул в приоткрытую дверь и застыл на месте. Князь не знал, что и сказать, когда увидел свой преобразившийся кабинет, подивившись упорству девушки. Он все стоял и стоял в дверях, любясь аккуратными табличками, приклеенными к каждому ящичку и на все полки. Пусть только теперь Хельх или Дайнар посмеют бросить свиток где попало!

Хелит его не замечала, полностью погруженная в какие-то сложные расчеты, вооружившись вощенной дощечкой, абаком и стилем. И, судя по глубокой морщинке, которая залегла у нее между бровями, полученный результат ее совсем не радовал.

– Доброго тебе утра! – сказал Мэй, входя в кабинет.

Девушка приветливо улыбнулась, но выйти из-за хозяйского стола не торопилась. Мэй заглянул в ее работу и удивился еще сильнее:

– Если бы мне кто сказал, то ни за что бы не поверил, что молодую девицу может заинтересовать такая проза, как учет урожая.

– Тебя дурит управляющий, – заявила Хелит глазом не моргнув.

Мэй открыл рот и тут же его закрыл, не зная, что ответить.

– Это довольно серьезное обвинение, леди Хелит, – сообщил он.

– Я могу доказать обман.

– Вот как?

Ему ничего иного не оставалось, как расположиться в кресле напротив. Есть Мэю уже не хотелось.

– Излагай, – приказал он.

Как владелец обширных земель, он обязан был следить за правильностью сбора налогов в королевскую казну. Приграничье платило не так уж и много, в сравнении с фианни Исконного Тир-Луниэна, исполняя свой долг перед короной иным путем – защищая рубежи королевства. И все же хозяйства облагались небольшими податями. Те, кто просто растил урожай, платили натурой, и даже не обычную десятину, а всего лишь двадцатую часть. Такое послабление привлекало новых поселенцев, искавших в Приграничье больших, чем везде, вольностей. А вот с перепродажи товара нужно было платить налог деньгами. Королевские мытари строго

за этим порядком следили и наказывали ослушника плетью. Мэю, разумеется, никакие плети не грозили, но опозориться перед Коронай он все же не хотел.

– Вот смотри. На третьей странице написано, что закуплено зерно по три *цана* за мешок. А на странице семнадцать, где ведется учет продаж, через десять дней продается точно такое же количество зерна, но уже по четыре с четвертью *цана*. И с разницы налоги не платились, я проверяла. А двадцатую часть оброка с этого зерна отдали как положено. Вроде бы за десять дней зерно посеяли, оно успело взойти, его собрали, а урожай продали. И все за твой счет, князь, – доверительно поведала Хелит.

Рыжий полистал учетную книгу, сверился с записями. Все правильно, все сходится.

– Ты знакома с основами рунного счета?

– Выходит, знакома, – усмехнулась невесело девушка. – Не удивлюсь, если окажется, что я так же мастерски владею топором палача.

Мэй возмущенно фыркнул, но ничего не сказал. Чем Лойс не шутит? Все может быть.

– Много еще нашла... м-м-м... нарушений?

– Интересная картина получается. Вроде бы сеют рожь и ячмень, а время от времени вырастает гречка. По цифрам это почти не видно.

– Под носом воруют, – нахмурился Рыжий.

– Понемножку, – согласилась Хелит. – Чтобы не так заметно.

– А куда Фельс смотрит?

– Эконом твой? – уточнила девушка. – Скорее всего, он про такие тонкости и знать не знает. Его как научили складывать между собой пять рунных знаков в два столбика, так он и складывает...

– А думать – не думает.

– Только ты не ругай его сильно. Он мне все время помогал чем мог, – вступилась за провинившегося эконома Хелит.

Князь молчал, отстукивая пальцами на столешнице затейливый ритм и пытливо вглядываясь в далаттку. Не иначе замыслил что-то. А взгляд у Мэя тяжелый, жесткий, как плеть, – порой зыркнет и припечатает к стене намертво.

– Покажи-ка мне, как ты здесь складывала, – попросил он, указывая на колонку счетных знаков.

Девушка выполнила задачу. Не слишком быстро, но вполне уверенно.

– Как ты догадалась, что при письменном счете, в отличие от устного, принято считать дюжинами? – изумился Рыжий.

– Сначала я, конечно, запуталась, – призналась Хелит. – Все ведь считают до десяти, а тут совсем иной принцип.

О том, как Хелит вычисляла закономерности, Мэй слушал вполуха. Девушка снова преподнесла ему сюрприз, и немалый.

– Я вот тут подумал... – прервал он рассказчицу. – Вдруг ты еще сможешь мне кое в чем помочь? Мне пригодится твой образ мыслей, логика и рассудительность. Раз уж ты сумела разобраться в том, в чем не каждый ученый муж силен, то, может, тебе еще и не такие высоты по плечу, – объяснил Рыжий и добавил: – Помоги мне, Хелит. Больше мне некого просить.

И если бы на колени бросился и молил униженно, не произвел бы на девушку большего впечатления. Запавшие глаза, от усталости сменившие цвет с ярко-зеленого на блекло-серый, глядели прямо и честно.

– Конечно, я тебе помогу, – твердо пообещала она, осторожно касаясь его прохладной руки. – Все, что будет в моих силах. А что случилось-то?

С возвращением властителя Мэйтианна в Эр'Иррин подготовка к большому празднику перешла в бурную фазу на грани истерики. Со всего Приграничья под стены крепости съез-

жались вассалы Рыжего, заставив шатрами подножие холма. Красные, желтые и синие, они издали казались исполинскими цветами, которые в одночасье выросли на единственном пологом склоне. В самом замке вовсю кипели бурные приготовления. Круглые сутки пылал огонь в кухонных печах, ароматы кушаний пропитали насквозь каждый камень. Эр'ирринцы поголовно исходили слюной и желудочным соком, а за урчанием подтянутых животов иногда не было слышно голосов. В невероятно торжественной обстановке из стада был выбран бычок черной масти без единого белого волоска. Его рога покрасили в красный цвет и напоили пивом, но бычок грядущей участи отнюдь не возрадовался, а скорее наоборот – попытался сбежать, едва не перетоптав кучу празднующегося народа. К слову, безуспешно, ибо побег жертвенного животного почитался дурной приметой.

Парадный Зал украсили на славу, словно вознамерившись переплюнуть роскошь столичных приемов нарочитой, но изысканной простотой. В обычные дни он стоял закрытый и пустой на радость и раздолье паукам, особенно в зимние месяцы, когда протопить его становилось делом безнадежным. Поэтому от Зимника до торжеств Сайгэллова дня здесь воцарялся стылый полумрак и неживая тишина. Когда же высокие витражные окна отмыли от грязи, смели всю паутину, вычистили очаг, украсили колонны хвойными гирляндами и лентами и до блеска натерли древние медные щиты на стенах, пространство чудесным образом преобразилось. Теперь в парадном зале можно было принимать самого Верховного Короля униэн, если бы он вдруг изъявил желание почтить своим вниманием владения Мэйтианна'илли. Впрочем, в праздничный день здесь и без короля было не протолкнуться. Разнаряженные в лучшие одежды гости собрались под сводами главного зала Эр'Иррина, чтобы приветствовать огневолосого князя. Не только бароны и рыцари, но и большинство землевладельцев, достаточно зажиточных, чтобы позволить себе роскошь путешествовать и веселиться в разгар полевых работ. Униэн, нэсс и ангай без всяких препон смешались в одну большую яркую разноголосую толпу. Кое-кто уже успел опрокинуть один-два кубка домашнего вина из замковых кладовых. Поэтому радость от созерцания поднявшегося на возвышение Рыжего Мэя была самой что ни на есть неподдельной и искренней.

По случаю торжества он облачился в котарди густого темно-зеленого цвета. На таком фоне огненно-красные волосы, распущенные по плечам, сияли чистой медью. Рядом с ним, благородным и царственным, Хелит чувствовала себя чужой и неуместной. Она бы с удовольствием постояла где-нибудь в сторонке и полюбовалась Мэем издалека. Но на нее была возложена почетная обязанность хозяйки праздника, как и следовало равной по статусу гостье неженатого князя. Даже платье, в котором показалась на люди Хелит, подобрали под стать наряду Рыжего – из серебристо-оливкового шелка. В длинных прорезных рукавах мудро было не запутаться, но Хелит постаралась ни в чем не подвести князя. Когда они с Мэем церемонно шествовали к трону на возвышении, в напряженной тишине каждый шаг Хелит отзывался тихим шорохом ткани, напоминающим шелест листьев под ногами.

Против всех ожиданий, парадный трон князя не показался Хелит увеличенным подобием кресла в Малом Зале. Весьма скромно украшенный стул без спинки, с подлокотниками, предназначался для того, чтобы любой подданный мог убедиться, насколько прямо умеет держать спину вельможный властитель.

Опустившись на сиденье, застеленное черной волчьей шкурой, Мэй горделиво вскинул подбородок, скорее по неискоренимой привычке, нежели из потребности покрасоваться, оглядывая ликующую толпу гостей. Хелит расположилась по левую руку и чуть позади. Кресло по правую руку занял Тайгерн – по праву младшего брата и ближайшего родича. Средний сын Финигаса, как опытный царедворец, разумеется, был свидетелем гораздо более пышных церемоний, но все равно вел себя очень сдержанно и заметно волновался.

– Сегодня Великий Дух Сайгэлла глядит на нас от подножия Престола Того, Чье Имя Непостижимо, – сказал Мэйтианн после того, как смолкли голоса присутствующих. – В его

силах даровать всем нам, смертным и недостойным, право быть судимыми, согласно нашей доблести, совести и чести самым справедливым Судией. В наших силах оказаться достойными этой великой чести. Да будет так!

Растекаться мыслию по древу у владык униэн было как-то не принято. Едва Мэй закончил короткую речь, к народу вышел Гвифин с бронзовой чашей, наполненной кровью жертвенного бычка, и явил чудо. Он пробормотал над сосудом что-то неразборчивое, к потолку, достигая черных балок, взметнулось изумрудное пламя, а содержимое чаши стало искристо-зеленым. Подданные Рыжего хором ахнули и отпрянули. Хелит, наоборот, подалась вперед, ей очень хотелось подробнее расспросить о произошедшем волшебном превращении у стоящего за спинкой ее кресла Дайнара. Но она не рискнула лишний раз проявлять неосведомленность. Накануне Мэй про колдовской обряд даже словом не обмолвился.

К трону стали по очереди подходить матери с младенцами. Рыжий макал палец в зеленое бурлящее содержимое чаши и ставил на лбу у ребенка точку, одновременно нарекая его именем. Гвифин как-то обмолвился, что еще две сотни лет назад князья действительно сами придумывали детям имена, порой не слишком красивые. Нынче же, в просвещенный век расцвета всяческих свобод, мать просто шепотом подсказывала желаемое имя, а владыка повторял за ней. Хелит искренне за Рыжего порадовалась. Ему для полного счастья осталось только придумывать имена детишкам.

Ритуал затянулся надолго. После Зимника особенно много детей родилось у нэсс, меньше – у ангай, а ребенок униэн был только один. Мэй натер себе мозоль на указательном пальце, но терпел. Такова обязанность князя и господина.

Когда дети были названы, ведун повторил свой колдовской фокус, только теперь пламя окрасилось во все оттенки желтого, а жидкость в чаше стала блекло-золотистой. Это означало, что настал черед заключения и освящения брачных союзов. И опять из нэсс оказалось много пар, желающих соединиться узами в столь знаменательный день и под присмотром Сайгэлла-Судии. Считалось, что это обстоятельство гарантировало обоюдную верность супругов.

– А если случится измена? – тихонько спросила Хелит у Дайнара. – Сайгэлл покарает?

Тот в ответ сдержанно хихикнул. Большинство женщин забывало о любых клятвах и карах, едва только они встречались взглядами с его синими очами.

Новобрачные между тем благополучно окунули ладони в чашу и соединяли руки над обнаженным клинком Мэйтианна, называясь отныне супругами пред Судией, князем и людьми.

Хелит еле сдержала усмешку. У меча Мэя оказалось множество сфер применения. «Очень практично придумано, – решила девушка. – Сегодня Рыжий ими рубит вражин, а завтра брачует влюбленных. Должно быть, чтобы не ржавел без дела».

Народ в зале откровенно веселился, сплетничая по поводу нарядов невест, переминая косточки женихам, нервно попивал заблаговременно разлитое во фляги дармовое вино, но никто никуда не расходился. Все ждали главного события наступившего года. Ныне Рыжий Мэй не станет противиться Праву Судии. Слух этот разнесся сам собой, но кое-кто не верил до сих пор. Князь так долго отказывался продемонстрировать расположение Богов к себе, что происходи дело не в Приграничье, в Исконных землях Тир-Луниэна, недоброжелатели уже давно бы бросили Мэйтианну в лицо откровенные обвинения. Но в здешних суровых краях было слишком много других забот, чтобы заострять внимание на странном, но не смертельном поступке князя.

Мэй трижды вопрошал, не желает ли кто еще связать себя узами брака, затем троекратно испросил жаждущих расторгнуть супружество. Таковых не нашлось. Если кто и пользовался правом развода, то только униэн. Им всегда было проще договориться между собой о взаимном согласии на разрыв, как того требовали законы. Нэсс редко шли на такой шаг, ангай – вообще никогда. Кто же будет спрашивать согласия у бессловесной собственности мужа – у женщины?

Словом, Рыжему ничего иного не оставалось, кроме как начать столь нежеланную для его репутации церемонию. Мэй до хруста зубов стиснул челюсти, предчувствуя грядущее унижение. Еще немного – и все эти люди доподлинно узнают, что ими правит калека, урод, проклятый богами. Небесный Игрок не станет снова покрывать Отступника. Рыжий до судорог в мышцах сжал резные подлокотники, но голос его не дрогнул и не сорвался. Хвала и слава всем богам, ибо не каждый сможет без запинки прочитать собственный приговор:

– Испокон веков в день Сайгэллов вершится истинное правосудие и там, где пасует закон, написанный людьми и для людей, торжествует Право Судии. Так было, так есть и так будет. Кто сегодня требует истинного правосудия?

То, что Великого Духа придется воплощать самому Мэйтианну, показалось Хелит какой-то невозможной дикостью и глупостью. Он ведь всего лишь человек. Однако все наперебой твердили, в том числе и сам Мэй, будто во время обряда на облеченного властью князя на самом деле нисходит волшебная сила, позволяющая ему безошибочно определить кто прав, а кто виноват. И, говоря откровенно, Хелит не верила до тех пор, пока не увидела расширенные до предела Мэевы зрачки. Он на мгновение повернулся к ней, словно ища поддержки и опоры. Именно этот взгляд, а вовсе не магия Гвифина, убедили девушку в том, что происходящее в Парадном Зале – вовсе не красивый обычай и не искусный обман. Рыжий верил в то, что именно по его слову кровь жертвенного животного обожжет ладонь обманщика и пощадит руку невинного. Так же свято верили в это все собравшиеся в зале. А искренняя вера – она посильнее любого колдовства будет.

Тем временем люди расступились, пропуская вперед жаждущих высшей справедливости: четверку молодых мужчин, старика и женщину – тоненькую и заплаканную нэсс.

– Я хочу знать правду, светлейший князь, – сказал громко самый высокий из мужчин, закутанный в широкий темно-красный плащ. – Я прошу тебя рассудить нас.

«Красный цвет – знак жажды истины», – вспомнились Хелит поучения фрэя Гвифина относительно символики цветов.

– Ты будешь говорить – я буду судить.

Голос у Мэя крошился ржавым железом.

Хелит отчаянно хотелось коснуться его белой от напряжения руки.

«Держись, Рыжий!»

– Меня зовут Кристан по прозвищу Летний Ветер, – сказал истец. – Я – торговый человек, купец из Уводья. Женщина, стоящая по правую руку, – моя жена, которую зовут Миасс.

Молодуха покраснела от смущения и не посмела поднять взгляд на князя.

– Старец доводится ей отцом, – продолжал Кристан. – А мужчины, стоящие по левую руку от меня – Дорин Медная Голова, Самм Громобой и Люсс Снежный – мои давнишние компаньоны. В канун великого праздника Перворожденной я допоздна задержался на ярмарке, а когда вернулся, то застал свою жену в слезах. Она обвинила моих друзей в недостойных домогательствах: мол, пришли среди дня и стали приставать по-всякому, сулили деньги и всячески смущали. Я, знамо дело, обозлился, объясняться пошел. А Дорин, Самм и Люсс в ответ указали на Миасс как на развратницу, которая в мужнино отсутствие ведет себя недостойно, всячески мне изменяя. Задели меня эти слова за живое. Возвращаюсь домой, а жена моя сбежала в родительский дом. И теперь я не знаю, кому верить – сотоварищам или жене?

Вид у Летнего Ветра был потерянный. Ему очень хотелось верить жене и не хотелось ругаться с компаньонами. Дилемма, однако.

– Пусть скажет обвиняемая, – приказал Мэй, даже не глянув на женщину.

Отец вытолкнул ее вперед.

– Расскажи, как дело было, доченька.

– Я не вру, – пропищала купчиха. – Они пришли... стали лезть... за руки хватать... золото обещать. – Бедняга еле языком ворочала от страха.

Еще бы! Ее допрашивал Рыжий Мэйтианн'илли, а в его лице сам Великий Дух.

– Я слуг кликнула... пригрозила палками гнать прочь, а они... навет возвели... ославили шлюхой...

Крупные слезы градом катились из ее глаз. Кто поймет – подлинные то слезы или нарочитые?

– Я за свою дочку головой ручаюсь, светлейший князь! – молвил старик-отец. – Она у нас в строгости росла, никаких вольностей себе не позволяла!

Он повернулся к зятю:

– Разве не девой она тебе досталась, Летний Ветер? Разве не хранила верность будущему мужу до брака, как завещано предками и богами? Скажешь, что вру?

– Не врешь. Так оно и было, – согласился купец.

– Хорошо. Пусть говорят обвинители.

Купцовы компаньоны избрали из своих рядов самого бойкого и языкатого – Медную Голову. И неспроста. Дорин оказался таким же рыжеволосым, как Мэй. Только у князя волос почти алый, а у купца-нэсс – золотистый с рыжинкой.

«Подольститься хотят, – решила Хелит. – Решили – рыжий рыжего всегда поймет и выводит? Хм-м-м... подозрительно».

По словам Медной Головы выходило, что женщина зазвала трех чистых и невинных мужиков в укромный уголок сада, чтобы, значит, слуги не видели лишнего, и там начала делать нескромные предложения в весьма откровенной форме. Искушать и соблазнять молодых привлекательных мужчин, которые и в мыслях не держали покуситься на супружеское ложе своего друга и компаньона.

Надо сказать, Дорин умел подать себя, да и язык у него был подвешен хоть куда. Даром что купец, не говорит – песню поет.

По мере того как Медноголовый рассказывал свою скорбную повесть, народ приходил в волнение, и мнения присутствующих разделились. Одни, в основном женщины, стали кричать в адрес обвинителей всякие нехорошие слова, другие (мужчины) поносили извечное женское коварство и неверность жен. Словом, гвалт поднялся несусветный. Оскорбленный папаша попытался огреть своим посохом Дорина по спине, обвиняемая громко рыдала, растерянный муж пытался ей что-то доказать. И только Рыжий не шелохнулся.

– Мэй, – прошептала Хелит, пользуясь моментом. – Подзови купцов по очереди и спроси у каждого, под каким именно деревом к ним приставала женщина. Но так, чтобы они не могли заранее узнать ответы друг друга. Ты все сразу поймешь.

Сердце Хелит отчаянно трепыхалось в груди, в горле пересохло от волнения, а ладони вспотели.

Рыжий поднял руку, призывая к порядку и тишине.

– Пусть обвинители по одному подойдут ко мне, – заявил он.

Первым приблизился Медноголовый Дорин. Мэй прошептал ему на ухо вопрос и, получив ответ, сразу же приказал страже отвести купца в сторонку. Опрошенные следом Самм и Люсс тоже оказались под конвоем.

Хелит сразу почувствовала уверенность Мэя, он даже расслабился немного, чуть поведя плечами, разгоняя накопившееся напряжение. Значит, все получилось! Она поспешила скромно опустить веки. Иначе любой, у кого есть глаза, сразу же обо всем догадался бы.

А Мэй встал со своего кресла, чтобы огласить решение. Высокий, гордый, уверенный в собственной правоте, точно Сайгэлл-Судия.

– Слушай же, Кристан по прозвищу Летний Ветер. Слушайте все и не говорите потом, что не слышали! – Голос Мэя звенел туго натянутой струной. – Женщина невиновна. Ее оклеветали и опозорили без всякой вины. Проси прощения у жены, Летний Ветер, и не слушай больше

наветов. А заодно проверь, насколько честны с тобой в делах твои компаньоны. Гвифин, – приказал князь ведуну. – Поднеси чашу женщине по имени Миасс.

Купчиха без всякого страха сунула пальцы в жертвенную кровь, подержала их там положенное время и достала совершенно неповрежденными. А вот ее обидчикам грязный поклеп обошелся тяжелейшим ожогом.

Подданные Рыжего восторженно завопили. Воля богов проявилась яснее ясного.

– Право Судии! Право Судии! – кричали они.

– Виру с обманщиков!

– Плетей им!

А Мэй стоял себе и улыбался, словно ничего особенного не случилось. Наверное, попроси сейчас Хелит принести ей голову Повелителя Дэй'ном или, например, одну из лун и солнце с небес, он бы пошел и принес. Запросто, от широты душевной.

– Вот теперь я точно у тебя в долгу, – шепнул он, когда они рука об руку покидали Парадный Зал.

– Они называли разные деревья?

– Точно. Один сказал: «То была *скаба*», второй назвал *литу*, а третий – вообще, *глирн*.

– Это называется – перекрестный допрос, – усмехнулась Хелит. – Только не спрашивай, откуда я знаю о таких вещах.

– И не собирался, – как ни в чем не бывало пожал плечами Мэй. – Мне интересно другое: почему они решили, будто я не смогу выяснить истину?

Говорили потом, что равного веселья, как Сайгэллов день в год Черного Волка, не было в Эр'Иррине еще пятьдесят лет. Брешут, естественно. Но именно в тот день началась самая удивительная история этого Мира. Именно в эту ночь...

Впрочем, всему свое время. Всему свое время.

Столы накрыли на открытом воздухе, посчитав голубой сияющий купол неба лучшим из шатров, единственным достойным князя Мэйтианна'илли, так удачно воплотившего Судию. Шелестели на ветру флаги с тремя белыми стрелами, лилось через край бокала терпкое вино, а от жареного быка в мгновение ока не осталось ничего, кроме начисто обглоданных костей.

Теперь, когда на землю снизошло благословение Великого Духа, можно было с чистой совестью напиваться, орать неприличные песни, отплясывать, не щадя ног, и целовать жен и девиц без всякого счета. Чем, собственно, и занялись подданные Рыжего. Благо, день выдался долгим, а погода солнечной.

Уже много лет никто из соратников не видел Мэя таким счастливым и радостным. Оказалось, что Рыжий не забыл ни танцевальных движений, ни слов бесчисленных здравиц, ни правил веселых игр. Словно вернулись прежние времена, воскрес из пепла прежний Веселый Мэй, не знавший усталости в забавах и танцах, словно никто и никогда не называл его Отступником.

– Повезло нам с тобой, Хелит из Далатта, – улыбнулся понимающе Тайгерн, едва вырвав ее из рук Дайнара, чтобы пригласить на очередной танец. – Не зря Мэй без усталости хвалит твой ум. Может, пойдешь в советницы к Верховному Королю?

– А Мэй отпустит?

– Сомневаюсь, – усмехнулся тот. – Ты сама-то хоть понимаешь, как помогла ему сегодня?

Хелит промолчала. Ее уже успели просветить в этом вопросе, и теперь она с ужасом думала о том, что случилось бы, ошибись она с подсказкой. Самое меньшее, Рыжего обвинили бы во всех бедствиях, начиная от неурочного дождика и заканчивая падежом скота. Если Великий Дух отказывается покровительствовать князю, значит, тот недостоин ни венца, ни власти. Тут и до бунта недалеко.

– А раньше... он мог вершить Право Судии? – спросила Хелит.

– Чего он только не мог, – вздохнул Тайго. – Насквозь всех видел и ничем не уступал отцу. Разве только в рассудительности превосходил.

Хелит бросила взгляд на смеющегося Рыжего и поймала себя на мысли, что сердце ее сжимается от невообразимой печали. Ведь на деле ему не смешно и не весело. Останься он сейчас наедине с собой, то, скорее всего, просто снова зарылся бы с головой в книги, а может, спать лег. Умом он понимает, как здорово и удачно все обернулось, а по-настоящему радоваться не получается.

– Это своего рода игра – в прежнего Мэя. Она не настолько утомительна, как тебе кажется, – великодушно утешил ее Рыжий. – Сила привычки... Да и не хочется обижать этих людей. От них зависит, насколько сильно будет мое войско, когда придут дэй'ном. Пусть радуются наступающему лету, пусть пьют и едят, а я немного подыграю их чувствам.

– Чтобы они решили, будто их князь – приятный во всех отношениях парень?

– А еще общительный, открытый и гостеприимный.

– Гостеприимный – да, а в остальном...

– Но я-то все еще помню себя другим.

Он подлил Хелит вина. Горький привкус был у эр'ирринского вина, слишком горький, чтобы захмелеть по-настоящему. И вместо того чтобы смеяться, Хелит захотелось плакать. От несправедливости происходящего. Что бы там ни произошло, как бы ни провинился Рыжий перед богами и людьми, но не заслужил он такой жестокой кары. Не заслужил, и все!

– Ты уверен, что дэй'ном пойдут войной?

– Гораздо сильнее, чем в нынешнем закате и завтрашнем рассвете. Верховный Вигил накапливает войска на границе, и весь Чардэйк полнится слухами о грандиозном нашествии на земли униэн и нэсс. Так что... – Мэй откинулся на спинку, лениво рассматривая гостей. – Пусть веселятся, сколько смогут, пусть радуются. Для многих это будет последний Сайгэллов день в жизни.

Хелит окончательно утратила душевное спокойствие. Чувствовать себя листочком на ветру, безвольным свидетелем надвигающейся бури не очень-то приятно.

– Погубил я твою радость, леди Хелит, – сказал невесело Мэй, тут же уловив перемену настроения. – Вечно я лезу со своими умствованиями. Сам не живу и другим не даю.

И мысленно обругал себя «лойсовым вышкварком» и «грязной сволочью». Но если кто и увидел, как окончательно погас призрак веселого огонька в его глазах, то менее бдительный наблюдатель не усмотрел в Рыжем ни малейшей перемены. Князь щедро одарил вниманием своих фиани, разделив с ними весь праздник до самого конца, сделал все возможное, чтобы еще долгие годы вспоминалась радость Сайгэллова дня, последнего перед великой Войной.

Как-то случайно все получилось, безо всякого злого умысла. Чтобы хоть немного развеяться после тяжелого разговора, Хелит пошла бродить по Эр'Иррину. Чертыхаясь себе под нос, проклиная длинные, неудобные юбки, она вскарабкалась по лестнице на стену и подставила разгоряченное вином лицо прохладному ветру. Рыжий, сам того не желая, впервые дал ей почувствовать себя неотъемлемой частью этого мира. Скоро война, и нет никакого смысла сбегать в сны в поисках утраченного прошлого. Будущее еще более туманно и не сулит ничего доброго.

– Что ты маешься, уан Хелит? – спросил подобравшийся незамеченным фрэй Гвифин. – Не пляшешь с остальными девицами, не играешь в «колючку»?

Ведун ловко выбрал момент, когда девушка бездумно глядела перед собой, подперев тяжелую голову руками, заставив ее вздрогнуть от неожиданности.

– Я пытаюсь думать.

– Неужели снова насилуешь свою память? Ты уверена, что стоит так себя изводить? Разве в твоём прошлом есть что-то особенное?

– Есть, – отрезала Хелит. – У всех есть что вспомнить.

– Ну да, конечно. Как куклам платья меняла... – хмыкнул ведун. – Очень важное дело. И тут терпение Хелит кончилось. Окончательно и бесповоротно.

– Какого... Лойса вы все лезете ко мне со своими советами?! – взвилась она. – Что мне надо, чего мне не надо! Это не твоё дело, фрэй! Я устала выслушивать поучения! Здесь не бери, туда не гляди, сюда не велено, там не положено! Я не кукла, я – живая.

– Ишь ты! – восхищенно присвистнул Гвифин. – Решила зубы показать, дочь Оллеса?

Нет, ей на самом деле полегчало. И оттого, что в кои-то веки наорала на язвительного колдуна, и оттого, что хоть раз поступила так, как привыкла... где-то в Другом Месте. Чем дальше, тем сложнее было прикидываться смирной милой барышней из благородной семьи. Видимо, раньше ни смирной, ни тем более милой она не была и в помине.

Стоит, наверное, поговорить с Мэем о возвращении в Далатт, решила вдруг Хелит. В конце концов, она там госпожа и хозяйка, и если уж где-то и учиться быть своей, то личная вотчина для этого подходит больше всего. Рыжему все равно будет не до нее в ближайшее время.

С этим предложением девушка решила подстеречь Мэя в его кабинете. Тот никогда не ляжет спать, не пересмотрев напоследок часть документов. И не заметила, как уснула прямо в его кресле, положив голову на толстый том «Летописей Тир-Луниэна».

То ли вино ударило в голову, то ли сказалась накопившаяся усталость, но Хелит погрузилась в вязкое, пограничное между сном и явью, серое и тягучее марево. Слабость опутала девушку по рукам и ногам, лишая воли и отнимая последние силы. Из липкого тумана манил за собой тихий навязчивый шепот: «Иди, иди, иди ко мне». Плотное облако целовало спящую в прохладные уста, жадно выпивало ее легкое дыхание.

«Зачем тебе страдать? Зачем пытаться выжить в чужом мире? Зачем искать себе место? Если можно просто вернуться обратно, туда, где остались все те, кого ты так любила», – сказала соткавшаяся из прозрачных струек воздуха прекрасная женщина. Черноволосая, изящная, хрупкая, точно статуэтка из кости, в ее зрачках танцевало золотое пламя.

«Хелит... Хелит... Хелит... ты хочешь вернуться домой? Ты ведь хочешь этого больше всего? – ласково молила незнакомка. – Протяни мне свою руку, и я отведу тебя домой. Обещаю! Ты веришь мне? Веришь?»

– Верю... – пробормотала Хелит.

«Дай мне руку. Это же так просто...»

Но пальцы не слушались, сведенные судорогой. От неудобной позы рука затекла и отказывалась повиноваться.

«Скорее, скорее... торопись!» – кричала женщина-из-сна, скалясь по-звериному.

«Подожди... я иду... я уже...»

– Хелит! Проснись!

Она открыла глаза и увидела перед собой перекошенное гневом лицо Мэя. Он немилосердно тряс девушку за плечи, стараясь вырвать ее из цепких лап видения.

– А?!

– Что тебе снилось?! Говори скорее! Говори!

Заплетающимся языком Хелит попыталась описать черноволосую красавицу, сбиваясь и снова начиная заново. Она окончательно запуталась, замолчала и безвольно повисла в руках Рыжего, словно кукла-марионетка с отрезанными ниточками.

– Что она тебе говорила?

– Просила... дать... руку... обещала... домой...

Губы полностью онемели, язык отнялся, из угла рта потекла тоненькой струйкой слюна.

– Не засыпай! Открой глаза! Немедленно! Слушай меня! Хелит!

Не зря Мэйтианн славился на весь Тир-Луниэн своим неподражаемым упрямством. Он впился в Хелит, как коршун в лису, и теребил до тех пор, пока окончательно не изгнал из ее разума остатки морока.

– Не смей отводить взгляд! Не смей! Смотри на меня! Рассказывай, кого ты видела, – приказал Рыжий тоном, не приемлющим возражений. – Только посмей хоть что-то утаить.

Волей-неволей Хелит пришлось пересказать весь сон, который оказался вовсе и не сном, а колдовским видением.

– Что теперь со мной будет? – испугалась она.

– Теперь – ничего страшного, – заверил ее Мэй. – Дэй’ном горазды на всякие пакости. Кананга могла заставить тебя прыгнуть со стены или повеситься, полностью овладев твоим разумом.

– Значит, я могу вернуться обратно?

Вражья колдунья все же сумела задеть Хелит за живое.

– Боюсь, это никому не под силу.

– Но ты не уверен.

Мэй тяжело вздохнул. Он теперь ни в чем не был уверен, даже в самом себе. Видят боги, он хотел бы соврать, но не мог.

– Есть силы настолько могущественные, что им подвластно абсолютно все. Но если даже кто и обладает такой мощностью, то это точно не Кананга.

Хелит кусала губы и отводила взгляд.

– Тебе так плохо здесь? – напрямик спросил Рыжий.

– Нет, не плохо. Но я здесь чужая.

– Мне почудилось, что сегодня для тебя многое изменилось. Почему ты пришла в мой кабинет?

– Хотела попросить разрешения вернуться в Далатт.

Нельзя сказать, чтобы Мэй был удивлен или расстроен. Возможно, он ожидал такого поворота событий.

– Я хотела бы попробовать жить своим умом и по своим правилам, – поспешила пояснить такое решение девушка.

– А разве я против? Ты – свободная женщина, владельница, и вправе распоряжаться своей жизнью и судьбой. Я почему-то уверен, что ты справишься, – заверил ее Мэй и кривовато усмехнулся. – Думала, я буду держать тебя рядом насильно?

– Я не думала...

– Еще как думала... Ладно, иди спать, леди Хелит. День выдался тяжелый.

Хелит выскользнула прочь, и, выждав, когда стихнет звук ее шагов, Мэйтианн решительно направил стопы напрямик в берлогу к Гвифину.

– Дай мне «зеркало», ведун, – заявил он с порога.

– Нет! – охнул колдун.

Князь выглядел спокойным и сдержанным, но от Гвифина не утаился отблеск подлинного безумия в глубинах его глаз.

– Это не поможет, светлейший.

– К Лойсу! Дай мне немедленно «зеркало»! Сейчас же! Иначе утром я украшу твоей головой стену Эр’Иррина.

И украсил бы, без всякого сомнения. Мэйтианн все же оставался сыном своего отца, а Финигаса никогда не останавливала ни дружба, ни привязанности, если они мешали достигнуть заветной цели.

– Ну!

Ведун покорно отдал требуемое – круглое мелкое серебряное блюдо.

– Ты забыл поклониться своему владыке, – свирепо прорычал Мэй, дожидаясь пока Гвифин согнется в поясном поклоне. – Распустились совсем. Стыд и совесть потеряли! Тащи свечи и все, что нужно для обряда.

На этот раз ведун не осмелился перечить, как не мог когда-то противиться воле лорда Финигаса. Он принес ритуальный серебряный нож, свечи, кристаллы соли и стал глядеть, как Мэй вскрывает вену на сгибе локтя, наполняя блюдо собственной кровью.

– Зажигай свечи и читай заклинание, – приказал князь.

Гвифин исполнил весь ритуал в точности, хотя его трясло от отвращения к собственному слабоволию, Дайнара или Хефейда не испугала бы даже возможная казнь. Они бы отказались подчиняться.

– Уже?

– Да, милорд.

Отступник впился взглядом в блестящую поверхность колдовского «зеркала», словно видел ту, к кому обращался:

– Кананга! Кананга! Сука! Ты меня хорошо слышишь? Если ты еще раз сунешься к Хелит, то я за себя не отвечаю. Клянусь, я выдеру твой поганый язык и выколю мерзкие гляделки, мразь! Я обещал повесить тебя на твоих же кишках? Я это сделаю! Слово даю! Финигасовой проклятой кровью клянусь! Только посмей! Ты меня знаешь, тварь!

И смачно, с превеликим наслаждением плюнул в блюдо, разрушая колдовскую связь. Рыжий не видел, просто не мог больше разглядеть ничего, кроме крови, но точно знал, что ненаследная принцесса дэй'ном видела и слышала его прекрасно. Плевок предназначался ей. Кананга этого не забудет и не простит, как не простила бы, плюнь он ей в лицо на самом деле.

– Вам нужно перевязать рану, – осторожно напомнил ведун.

– Если хоть кому-то скажешь хотя бы полсловечка... – прошелестел Мэй, отмахиваясь от помощи. – Ты знаешь, что будет, ведун?

Гвифин знал. Наверное, чуть ли не лучше всех на свете.

«Ну что, Финигас? Ты можешь гордиться – он превзошел даже тебя. Будь ты проклят, безумный старый мясник! Ты видишь, что ты с ним сотворил?!» – мысленно прокричал ведун, обращаясь к давным-давно мертвому владыке, умудрившемуся даже из вечного посмертия накинуть ловчую петлю на шею первенцу. Накинуть и туго затянуть.

Глава 7

Самозванцы и отступники

Даэмли

«Далатт – славный городок, но производит довольно унылое впечатление».

Из письма Хелит.

«Мне всегда нравился сад, разбитый твоим дедом. Надеюсь, он не засох?»

Ответ Мэйтианна.

После Эр'Иррина, где что ни день, то новости, пускай даже не самые лучшие, Далатт выглядел сонным царством. Наследство, доставшееся Хелит, оказалось пыльным и убогим, словно прабабкина шуба, пролежавшая полвека на дне сундука. И выбросить неприлично, и носить невозможно. С тех пор как Хелит вернулась в отчий дом, ее не покидало ощущение, что она попала в центр огромной липкой паутины, в сон древнего, уставшего от жизни старца, чьи мечты иссохли, а чувства полиняли. Городок под сомнительной защитой разрушающихся стен тихо почивал на лаврах славы несокрушимой твердыни. Дворец правителей лишь издали выглядел внушительно. А при ближайшем рассмотрении Хелит обнаружила древнюю каменную громаду с предельно запутанной и нелогичной планировкой, населенную угрюмыми воинами, рыжими кошками и толстыми пауками. Пауки доминировали в этом странном сообществе с колоссальным численным перевесом. Дамы были представлены двумя малолетними фрейлинами и суровой домоправительницей. Моддрон¹² Гвирис скользнула взглядом по хозяйке, словно по пустому месту, из чего Хелит сделала вывод, что ее здесь никто не намерен воспринимать всерьез. Даже рыцари, которые так покорно склоняли колени перед властительницей, принося клятву верности, не торопились прислушиваться к ее мнению.

Странную жизнь вела Хелит из рода Гвварин до того злосчастного дня, когда потеряла память. Одинокая, никому по-настоящему не интересная девица – живой отблеск древней славы. Статуи прекрасных и грозных предков, мимо которых девушке приходилось каждый день ходить, бесстрастно глядели в вечность над ее головой, равнодушные ко всему на свете. В этом утонувшем в собственных снах и забвении дворце Хелит чувствовала себя самозванкой. Она – такая, какой стала теперь, – попросту не могла быть добровольной пленницей пыльных коридоров, затхлых углов и старого засыхающего сада. Нынешняя Хелит до слез жалела былую Хелит, готовую выйти замуж за любого, кто увезет ее из Далатта.

Девушка ходила по дворцу осторожно, боясь ненароком коснуться каменных стен. И мнилось ей, что все эти цветы, статуи, старая мебель, хрупкая расписная посуда – лишь искусная иллюзия, наведенная коварными дэй'ном, которая вот-вот развеется предрассветным туманом над спящей речной долиной. Стоит только дунуть ветру посильней.

Повторилась старая как мир история, когда слава древнего рода пошла не впредь потомкам. Войны сильно проредили численность семейства Гвварин, сыновья погибали, не оставив наследников, а в итоге последней представительнице семьи достался маленький клочок земли, несколько разрушенных крепостей и неполная сотня воинов, взирающих на повелительницу в

¹² Моддрон – обращение к немолодой благородной женщине униэн.

лучшем случае, как на беззащитного младенчика. Тридцать девять лет для униэн не тот возраст, когда вершатся подвиги. По сравнению с маддом Хефейдом, которому исполнилось триста сорок два года, Хелит сама себе казалась плодовой мушкой-однодневкой. Дары богов – вещь странная, а долголетие весьма сомнительное удовольствие. Особенно если оставшиеся столетия придется провести в ветхом, пыльном дворце, воюя попеременно то с пауками, то с дэй'ном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.